

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

НАЦ БЕСТ

ВЛАДИМИР
ОСИПОВ
КОРЕНЬ
НАЦИИ

ЗАПИСКИ РУСОФИЛА

Национальный бестселлер

Владимир Осипов

Корень нации. Записки русофила

«Алисторус»

2008

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

Осипов В. Н.

Корень нации. Записки русофила / В. Н. Осипов — «Алисторус»,
2008 — (Национальный бестселлер)

ISBN 978-5-4438-0046-2

Владимир Николаевич Осипов, выдающийся политический и общественный деятель нашего времени, посвятил свою жизнь борьбе за Россию, за ее национальные интересы и идеалы. В 1959 году, как русский патриот, он был исключен из Московского университета. А через два года, как «реакционный славянофил», был арестован и судим. В политлагерях и тюрьмах он провел 15 лет. Книга В.Осипова – исповедь человека, находившегося в гуще самых острых событий. Это летопись российской истории с 1960-х годов до наших окаянных «демократических» дней, написанная без прикрас и предубеждений.

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-4438-0046-2

© Осипов В. Н., 2008

© Алисторус, 2008

Содержание

Борец и просветитель	6
Вместо предисловия	7
Эвакуация	10
«Нас вырастил Сталин...»	12
9 февраля 1959 года	15
«Мы не эти и не те»	19
Кто хотел убить Хрущева?	24
Русский националист	28
Дубравлаг	36
Ира Мотобрицева	37
Слово о Валентине ЗК	39
Мордовский дневник	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Осипов
Корень нации. Записки русофила

© Осипов В.Н., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

Борец и просветитель

Владимир Николаевич Осипов один из самых светлых людей, которых мне приходилось встречать в своей жизни. Его замыслы и поступки не имели личной заинтересованности, а преломлялись через интересы и идеалы России. Главной целью своей жизни Осипов считает восстановление монархии и русского государственного порядка. Уже в 1960-х годах он стал убежденным монархистом. В то время в возрождающихся русских монархистах было еще много национал-большевистского, в сталинском духе. Владимир Николаевич выгодно от них отличался. Истинный русак, истинный православный монархист, он выносил в себе идею русской монархии в лагерях и ссылках. В нашей патриотической среде 1980-х Осипов был, пожалуй, самым выдающимся человеком. Я впервые с ним встретился в 1987 году сразу после его возвращения из лагеря. Несколько часов проговорили у меня в машине. По многим вопросам наши позиции были очень близки. Меня он тогда особенно остро интересовал как человек, сумевший сохранить себя в условиях советско-еврейского террора.

В 1959 г. на 4-м курсе Московского университета Владимир Николаевич выступил в защиту товарища, арестованного КГБ. За этот мужественный поступок Осипов был изгнан из университета, завершив высшее образование заочно. В 1961–1968 годы за «антисоветскую агитацию и пропаганду» находился в заключении в политлагерях Мордовии, в Дубровлаге. Из лагеря вышел православным монархистом и русским националистом. Стал издавать машинописный православно-патриотический журнал «Вече», указывая свои фамилию и адрес. Выпустил 9 номеров журнала тиражом до 100 экз. К изданию были причастны И. С. Глазунов, С. Н. Семанов, В. В. Кожин, Д. А. Жуков, Г. М. Шиманов, М. П. Кудрявцев, В. А. Виноградов и др. авторитетные в патриотических кругах люди. За издание этого журнала с «реакционных славянофильских позиций» (мнение суда) В. Осипов получил 8 лет лагерей.

Наши встречи повторялись несколько раз. Как-то В. Осипов сообщил, что собирается возобновить издание журнала «Вече» под названием «Земля». Уже при следующей встрече я принес ему для публикации несколько своих «подпольных» статей о русской демографии и судьбе памятников Отечества.

К 1988 г. В. Осипов сколотил вокруг себя значительную группу патриотов-монархистов. Многие собрания проходили конспиративно. На одном из них в тесной квартире в присутствии 8–10 человек (включая и меня) была создана партия «Христианско-патриотический союз». Сам я на этом «съезде» присутствовал в качестве «наблюдателя» под именем Д. Кузнецова. Сразу же после принятия решения о создании партии Владимир Николаевич сообщил об этом событии в Мюнхен редактору независимого русского альманаха «Вече» О. А. Красовскому.

В 1990 г. партия получает новое название – Союз Христианское возрождение. Много сил и энергии члены Союза затратили на сбор подписей за канонизацию Царя Николая II. Предполагалось также через 2–4 года созвать Земский Собор для избрания Царя. «Идея была такова, – объяснял В. Осипов. – Наследников династии Романовых осталось еще достаточно много, и всех их следовало бы призвать на Земский Собор». Однако у Союза Христианское возрождение был свой кандидат из династии Романовых – Тихон Николаевич Куликовский-Романов. В. Осипов стал одним из инициаторов канонизации Царской семьи.

Возглавляя Союз Христианское возрождение, он борется за каноническую чистоту Православия против ереси экуменизма, за единство Русской Православной Церкви против антихристианской глобализации.

Отрицая антихристианское понятие «прогресс», он считает, что рано или поздно православные христиане придет к одному выводу – «Пустить вспять колесо истории!»

Вместо предисловия

Нашему поколению пришлось пережить резкую смену эпох. Мы жили при советском режиме в полной уверенности, что умрем раньше его конца. Режим представлялся нам долгим, «вечным», лежащим за гранью наших надежд и упований. Если кто-нибудь станет утверждать, что он все предвидел, пусть говорит. Я лично ни единого такого пророка не встречал. И, конечно, при «необратимости» того, что случилось в Петрограде в октябре 1917 г., мы уперлись в этот режим, как в гранитную стену, в некотором смысле потеряли ориентировку во времени. Холопская зависимость от своры тупых матерщинников словно заслонила все. Весь свет в туннеле.

Все произошло так, как никто не думал. Ну, разве при тотальной слежке и сыске, при удесятеренном контроле мог кто предвидеть, что генсеком станет отпетый антисоветчик с огромной фигой в кармане? И разве мог кто предсказать, что в поддержку отщепенца стройными рядами ринутся члены Политбюро и ЦК, «им в сраженьях выкованный строй» (Грибачев)? Может быть, и «массовые репрессии» конца 30-х годов тоже имели под собой «гносеологическую» подкладку? Не сопоставлял ли Сталин оппозиционность Тухачевских со всеобщим заговором царских генералов против Царя? Ведь герои гражданской войны хотели, например, сместить Ворошилова с поста военного наркома, или это не заговор? Если Алексеев, Рузский, Лукомский, Брусилов, Эверт, Данилов не за понюх табака изменили присяге и предали Помазанника, то уж красные командиры, куда менее воспитанные на понятиях чести и верности, будут церемониться с нежеланным генсеком? Выходит, только «зачистка» спасает от предательства? Императора Николая Второго упрекают в том, что осенью 1916 года, когда уже созрел план переворота и полиция об этом докладывала, он не арестовал несколько сотен либералов во главе с Гучковым, Милюковым, Родзянкой, Некрасовым, Керенским, Терещенко, Львовым. Всего несколько сотен интернировать, и никакой Февральской революции, подогретой германскими деньгами, не случилось бы. Но Царь пал жертвой своего чрезмерного благородства и доверия. В том числе – доверия к военачальникам. Это же уму непостижимо: генералы осмелились решать за Того, Кого поставил Бог. И, как оказалось, решили судьбу страны на столетие вперед. Командующих фронтами вдруг осенило, что спасение России не в монархии, а в демократической республике, в парламентской трепотне по образцу любимой всеми Франции. Свергли Царя, а что же власть не удержали? Умники, что же вы устроили балаган взамен свергнутой монархии? Царь якобы был слаб и нерешителен, но что же вы, сильные и умные, на второй день после свержения Государя благословили и реализовали «Приказ № 1», разваливший армию? Жаль, что до сих пор эти негодяи во главе с Алексеевым и Рузским не осуждены посмертно военным трибуналом за государственную измену. Когда через полтора года пятигорские чекисты изрубили саблями в капусту Рузского, о чем думал умный изменник?

Советский кинематограф сочинил доходчивую легенду о красных и белых. «Белые», по образам советского кино, – это приверженцы старого режима, монархисты, помещики и буржуа. «Красные» – рабочие, беднота, комиссары, иногда «хорошие» интеллигенты. Не было такого стерильного деления в гражданскую войну. Белые вожди не были монархистами, не были сторонниками ими же свергнутой царской власти, а были – «умеренными» революционерами, республиканцами, адептами лучезарного Февральского мятежа, и бились они против тех, кто, по их понятиям, узурпировал революционную, народную власть через 8 месяцев. Генерал Корнилов арестовал Царскую Семью, составил тюремные правила для Семьи да еще торжественно наградил Георгиевским крестом подонка Кирпичникова, убившего офицера за верность Государю.

Когда осенью 1992 г. на Конгрессе Фронта Национального Спасения было предложено зарыть в землю топор гражданской войны, совершить великое примирение «белых» и «крас-

ных», то что это означало – примириться «капиталистам» и «коммунистам» или – по советскому мифу – монархистам и большевикам? Летом 1918 г. на Екатеринбург наступает армия Учредительного собрания, армия февралистов, арестовавших Царя, а большевики убивают Государя (с женой и детьми) якобы потому, чтобы приверженцы Февраля, масоны из Учредительного собрания не использовали Николая Второго, ими свергнутого, как знамя, против большевиков. А что же тогда, осенью 1917-го, эти масоны так легко передали Царственных узников из рук в руки троцкистам-ленинцам? И ведь десятилетиями пропаганда пудрила мозги советским людям.

Начинать, вероятно, надо с самоидентификации – кто мы? Кто я? Я лично – кто? Либеральный (и криминальный) режим Ельцина – Черномырдина лишил нас графы «национальность» в паспорте. Этого пожелало полпроцента населения. Как тот же полупроцент не позволил ввести «Основы православной культуры» в школе. Пусть лучше дети пьют, курят, избивают стаей прохожих, матерятся, лишь бы не стали верующими. Для наших либералов – это главная опасность. Хотя иногда сюсюкают: «распустили скинхедов». В угоду полупроценту от всех остальных, русских, украинцев, белорусов, татар, башкир, якутов, чувашей, удмуртов, отняли национальность. Сливайтесь, мол, в одно целое, в один котел, и хватит важничать. Как завещал Маяковский, надо «без России, без Латвий жить единым человечим общежитием». Это вспомнил кандидат в члены Политбюро Ельцин, член ЦК Черномырдин и их присные. Все твердые интернационалисты. В этом пункте марксисты с мировой закулисой сошлись. Как они в сущности сходились всегда. Как сошлись и в вопросе об отмирании государства. Только теперь это произойдет не при «коммунизме», а при информационно-сотовом обществе, ради которого, в частности, готовят законы о персональных данных. Национальность отняли. Силятся отнять и порядочность, вообще нравственность. Все логично: нравственное всегда национально. Отнимаем нацию – превращаем в скотов. Ну с какой целью, спрашивается, крутить по телевидению от зари до зари сплошную похабщину? С какой целью посылать в Париж на бюджетные деньги в качестве светочей русской литературы сплошь одних извращенцев? Таланта нет, но есть нахальство, есть «эпатаж». Мол, дураки тысячу лет печатно не матерились, а мы, умные, революционеры, нигилисты и хунвэйбины («Культурная революция»!) – не церемонимся. Русский народ всегда осуждал разврат и извращения. Но теперь теневой власти, оседлавшей Россию, понадобилось морально изувечить народ, оскотинить, «опустить», превратить в биомассу. Новая эпоха оказалась разновидностью старой. Только в ее наихудшем варианте – как в 20-е годы.

В этих заметках я бы хотел сказать о многом. О том, какое мировоззрение, на мой взгляд, является истинным. Какая политическая система спасительна. Почему после Бога на первом месте у каждого русского (по крови или духу) должно быть служение своему народу и своей Родине. Почему только Третий Рим – единственный противовес антихристовой глобализации.

Но предварительно немного скажу о себе.

Жизнь многих смертных представляет собой черновик, всего лишь попытку жить правильно, в то время как наши святые, подвижники христианской веры, жили на белом, у них почти с самого начала выходил белой, наилучший образец бытия. Но даже и у нас, грешных, черновики не похожи друг на друга. Есть довольно размеренное, ритмичное движение, с небольшим числом помарок, и есть по-толстовски исчищенные листы, в которых, как говорится, нечистый сломает ногу. Как это меня угораздило на ней жениться? Зачем я выбрал такую специальность? Ну почему я доверился тому проходимцу? Между тем молодые люди чаще всего живут безоглядно, нередко как бабочки, но, увы, ничто не исчезает бесследно. Каждый поступок, каждое действие или бездействие может отозваться через десятилетия внезапным ударом. Сплошь и рядом мы сами – виновники своих несчастий.

Когда я пытаюсь осмыслить свое существование в этой скорбной юдоли, осознать собственное отношение к себе, всплывают как бы три точки зрения на свою жизнь. Из них два

желания соперничали уже в молодости: честолюбие и самопожертвование. С одной стороны, хотелось жить только ради идеи и во имя идеи. С другой стороны, мечталось оставить след в истории. Но и то, и другое объединяло сверхжелание: прожить свою жизнь красиво, достойно, или – по Константину Леонтьеву, – эстетично. Жажда красоты бытия сопровождает меня и по сей день. Помимо честолюбия и самопожертвования, переплетенных эстетическим отношением к своей «окружающей среде», с годами появилась третья, и теперь, пожалуй, доминирующая оценка бытия: попытка смотреть на все Его оком, оком Отца Небесного. Главное желание отныне: быть угодным Ему, и перед этой установкой меркнет все, и в первую очередь меркнет желание следа в истории. Чем больше у меня седых волос, тем меньше юношеского честолюбия. Я готов уступить место каждому, у кого что-то получается лучше, чем у меня.

Я люблю Бога, родное Православие, единую и неделимую Россию (желательно с Аляской и Проливами), свой неприкаянный, но великий народ, самый обездоленный в мире, и хочу вернуть православного Самодержца на российский престол.

У меня обычные, «банальные» взгляды, «шаблонно» русское мировоззрение, и я не хочу выделяться ничем, ни малейшим отклонением от своих предков. Единственное, о чем я молю Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятую Богородицу: чтобы мне была дана возможность весь остаток жизни отдать Отечеству. И послужить ему не без пользы.

Эвакуация

Всякое жизнеописание начинается с родителей, с тех, кто кормил и воспитывал, кто дал жизнь, кто не убил вас во чреве («по социальным показаниям», согласно постановлению Черномырдина), как это делают миллионы сегодняшних мам. Я родился 9 августа 1938 г. в городе Сланцы, Ленинградской области, в семье школьных учителей. Родился в самое безбожное время. В предыдущем, 1937 году было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий, расстреляно 150 тысяч священнослужителей, включая 60 архиереев. По всей огромной стране оставалось не то 100, не то 300 действующих православных храмов. Отец – Осипов Николай Федорович – «скобарь», из крестьян Псковской губернии, в 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Воевал в артиллерийских частях. Мать, в девичестве Скворцова Прасковья Петровна, окончила Гдовское педучилище. Всю жизнь преподавала в начальных классах. Ее отец – Петр Федорович Скворцов славился в своей деревне умением крыть крыши и тем, что никогда не ругался матом. Зато дружил с местным помещиком и почитывал социал-демократическую литературу. В гражданской войне оказался в армии эсеровского генерала С.Н. Булак-Балаховича и там умер от тифа. Вдова его – Прасковья Егоровна сначала получала пенсию, а потом, когда органы, видимо, пронюхали, с какой стороны окопов воевал супруг, получать пособие перестала. Когда началась война с Гитлером, мне было 3 года. Мама, ее сестра Анна, работавшая кассиром на сланцевской шахте, и их мать, а моя бабушка Прасковья Егоровна отправились в эвакуацию. Дочери выросли советскими патриотами, а глубоко верующая бабушка, несмотря на всякие внутренние сомнения насчет Советской власти, тоже при немцах оставаться не захотела. Кроме дочерей Прасковьи (1917 г. р) и Анны (1907 г.р.), у нее был еще сын Петр (1910 г.р.), сначала активный комсомолец, создатель колхоза «Общий труд» в нашей деревне Рыжиково, позже – репрессированный по «кировскому потоку» («Я знаю, кто убил Кирова!») – ляпнул он за стаканом вина бывшему кулаку, им же «раскулаченному»). Отсидел пять лет, работал на лесоповалах Котласа.

Эшелон, в котором мы выбирались из Сланцев, был последним. В Гатчине немецкие самолеты нас обстреляли. Мама догадалась схватить меня и убежать из вагона. Кто надеялся отсидеться в поезде, погиб. Прибыли мы в Саратовскую область. В промышленном поселке при станции Рукополь устроилась тетя Нюра, а мы с мамой, бабушкой и тетеньюриным сыном Юрием поселились в селе Беленка, Краснопартизанского района. Я лично спал под «райскими дверями»: хозяева унесли часть иконостаса к себе домой, когда богоборцы рушили местный храм. В 1943 году был такой голод, что помню, как мы все лежали вдоль стен, ни на что не надеясь. Я словно разучился ходить. Вдруг приходит женщина из правления, приносит большую кастрюлю с борщом и кормит нас. Кажется, и по сей день вкуснее того борща я не едал. Помню уборку урожая, лозунги «Все для фронта, все для победы!». Дядя Петя присылал с фронта длинные письма, которые читались вслух. Запомнил часто употреблявшееся им слово: «наши». Я понимал так: «наши» воюют против немцев и Гитлера.

В 1944-м мама серьезно заболела тифом. Ее отвезли в больницу соседнего города Пугачева. Бабушка сказала: «Бог наказывает за грехи!» Конкретно за то, что вовремя не крестили меня. Хорошо помню, как она по собственной инициативе привела меня в храм (в Пугачеве). Там крестили многих. Младенцы орали. Когда окунали меня, я подумал: «Чего они орут? Что тут такого?» Крещен я был, таким образом, по полному чину – ПОГРУЖЕНИЕМ, а не т. н. обливанием. Между тем к 1942 году ВКП(б) намеревалась ликвидировать имя Бога на всей территории СССР. Планировалось закрыть последние действующие православные храмы. Не вышло. Ибо недаром А.С.Хомяков предрек: Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь никогда не исчезнет с лица земли до скончания века.

При одном из посещений мамы в больнице я от нее услышал: «Заберите меня. Я здесь не выживу». Ни питания, ни лекарств, ни ухода. Если бы можно было «дать» что-нибудь «на лапу» медперсоналу, можно было бы на что-то надеяться. Бедность, конечно, не порок, но так легко протянуть ноги. Маму мы забрали. Едва-едва доковыляли до поезда. Очень боялись, что она не успеет сойти на остановке в Беленке: поезд стоял всего ничего. В конце концов мама выжила.

«Нас вырастил Сталин...»

В мае 1945 г. в Беленке ударили в рельсу. Сначала думали – пожар. Оказалось – победа. Которую так долго ждали. Где-то в конце июня мы, как эвакуированные, выехали домой, на малую родину. Товарный состав шел месяц, в Сланцы прибыли 26 июля. В то время я бойко читал стихи, особенно поэму о Зое Космодемьянской и часто на станциях с подножки тамбура орал во все горло: «Пала ты под пытку, Татьяна, Онемела, замерла без слез...» Однажды один майор, растрогавшись, подарил мне красный тридцатник. Что меня поразило при возвращении, так это полное, тотальное разрушение нашего шахтерского городка. С высокого берега Плюсы я увидел одни руины. Закончилась война за выживание народов. Наши интернационалисты долго еще муссировали классовый подход. Мне рассказывала одна диссидентка, как она, пятилетняя, сидела на кровати дома, и вдруг в комнату вбегает немец с факелом и поджигает квартиру. Правда, ребенка фриц «пожалел»: пихнул факел не в ее одеяла, а в соседнюю кровать (Родители, правда, успели вынести девочку). Дело было в Белгороде при отступлении вермахта. Отечественная война с Германией была борьбой за само физическое существование русской нации. Адольф Гитлер не лицемерил, провозглашал свои цели публично и ясно: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь ТОЛЬКО РОССИЮ и те окраинные государства, которые ей подчинены»¹. Т. е. он не скрывал, что главной целью советско-германской войны, начавшейся в июне 1941 г., было не «освобождение» России от жидобольшевизма, а – завоевание исконно русских земель, включение их в состав «Великой Германии» и ЗАСЕЛЕНИЕ их немцами. Русских же фанатик расовой теории намеревался выселить в тайгу и тундру, возможно, за Урал, при этом всячески сокращая нашу численность посредством непредоставления медицинской помощи, аборт, алкоголя, табака и пропаганды растления. Сегодня программу Гитлера довольно результативно осуществляют демократы еврейской ориентации.

Я рос в атмосфере советской идеологии, читал, естественно, книги, прошедшие цензуру. Но до 13 лет был стихийно верующим благодаря бабушке Прасковье Егоровне, часами, как мне казалось, молившейся на коленях перед иконами. В 13 лет произошел тихий духовный бунт. Как-то листал мамину методичку. Наткнулся на раздел «Атеистическая пропаганда» и задумался: как же так, все передовые, прогрессивные люди вокруг не верят в Бога, а я – верю? Что же, я такой темный, отсталый, хуже других? У меня неплохая память. И, как ни странно, я помню эти роковые минуты. Это восстание. Которое длилось 10 лет. До 23-х, когда меня арестовали и я внезапно оказался один на один перед тайной бытия.

Кажется, в 1950 г. нечаянно подслушал такой разговор. Сажу дома, делаю уроки. Мы в это время жили уже в другом месте, в селе Ново-Петровское, Московской области, в 83 км от столицы. Заходит к маме соседка Голованова. Ее муж был начальником районного отдела МГБ. Соседка страшно расстроена, шепчет маме: «Муж только что вернулся из Москвы, с важного совещания. Начальник областного Управления МГБ сказал так: «Смотрите, не проморгайте ни одного врага народа в своем районе! Пропустите – с вас снимем голову!» (точно не помню: «посадим» или «расстреляем», но в этом духе). «А где найдешь этих врагов народа в нашем-то районе?» – с горечью за судьбу мужа промолвила Голованова. При такой обстановке, естественно, каждый, кто выделялся умом, талантом, совестью, чувством справедливости, легко попадал под гребень диктатуры пролетариата. Это все предвидел Достоевский, у которого «державный бес» Верховенский говорит Ставрогину: «У Шигалева хорошо в тетради, – у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны... не надо выс-

¹ Гитлер А. Моя борьба, глава 14. Изд. «Т-Око», 1992. С. 556.

ших способностей!... мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»². При этом я не хочу опускаться до примитивного обвинения во всем одного Сталина. Просто продолжалась революция, подготовленная бесами с помощью либералов,

начата я при Ленине и Троцком, воспетая робертами рождественскими и евушенками. К тому же, как доказал В. В. Кожин, куратором послевоенных репрессий был «либерал» Хрущев, который надзирал за госбезопасностью от имени ЦК с декабря 1949 г. до марта 1953 г.³. В частности, этот бывший троцкист нес личную вину за гибель А.А. Кузнецова и других про-русски настроенных ленинградских руководителей.

В начале марта 1953 г. страна узнала, что заболел Сталин. Утром 6-го услышали по радио о смерти вождя. Я был потрясен: «Мама, как же мы теперь будем жить без него?» (Учился я в 8-м классе.) Очень удивился, когда по дороге в школу зашел за своим одноклассником и понял, что его отец, второй секретарь райкома партии, совершенно не горюет, живой, бодрый, почти веселый. В школе некоторые учителя плакали. Наш восьмой «Б» во главе с классным руководителем настроился ехать на похороны в Москву, точнее – побывать у гроба в Колонном зале. Отправились утром 7 марта. И вдруг уже в Белокаменной, народа – тьма, я отошел к киоску купить газету и мгновенно потерялся. Отстал. Увидел другого одноклассника – Виктора, который тоже заблудился. Вдвоем сначала долго искали свой класс, а потом решили сами, самостоятельно пробираться в Колонный. Помню, на Советской площади конная милиция осаживала бесконечные толпы. Какими-то дворами, крышами местные мальчишки проторили путь к центру. Мы с Викторовым выпрыгнули во двор дома на Пушкинской (Большой Дмитровке). Железные ворота под аркой были на замке, но мы видели с той стороны уже организованную очередь, ползущую по тротуару. Милиция долго не знала, что делать с массой, приткнувшись к арке изнутри, но где-то в 12-м часу ночи нас выпустили через эти ворота, и мы аккуратно воткнулись в колонну. Кажется, ровно в полночь с 7 на 8 марта мы с Викторовым прошли мимо гроба Сталина. Меня поразило, какой он чересчур старый, морщинистый. Ведь кругом были довольно гладкие портреты. Обрато до Рижского вокзала шли пешком по трамвайным путям. Вернулись на поезде домой, радости домашних не было предела. Думали, что мы уже погибли в давке. Звонили в Москву, сестра отчима ходила по моргам в поисках мальчика в подшитых валенках.

Еще несколько лет я продолжал оставаться советским патриотом. Однажды, во время летнего пребывания в Сланцах, я услышал анекдот про евреев. Я подумал: «Это же неправильно. Мы должны быть интернационалистами, крепить дружбу народов». Что было, то было. Я впитывал официальную идеологию со всем простосердечием юности. Павел Корчагин был моим героем.

Как ни странно, не XX съезд партии, не развенчание «культы личности» перевернуло мое самосознание (хотя и задело отчасти). Отсчет веду с автобиографической книги Джека Лондона «Мартин Иден», которую я прочел в 18 лет, в сентябре 1956 г., на втором курсе истфака МГУ, и которая почему-то потрясла меня. Что-то поломала изнутри. Книга эта – апофеоз индивидуализма, сильной личности, сверхчеловека, ведущего войну с обществом. В романе неоднократно упоминался германский философ Фридрих Ницше, и я, конечно, начал разыскивать его работы. В Ленинской библиотеке сказали: «Вы что, не знаете, кто воспользовался его идеями? Нет, Ницше мы не выдаем». Хотя он не лежал в спецхране и картотека на него была в общем зале. Разными путями мне удалось достать многие его вещи. Даже писал в читательском требовании: «автор – Ф.Нитуше» (так иногда переводили его фамилию до революции) и книгу выдавали. Ницше – великолепный стилист. Пишет ярко, живо, страстно. Как Лермонтов

² Достоевский Ф.М. Собр. соч., т. 7. «Бесы». Госиздат, М., 1957. С. 436—437

³ Кожин В. Россия. Век XX. 1939–1964. М., 1999. С. 206 и далее.

– кумир молодых в поэзии, так Ницше – идол юных интеллектуалов в философии. Самоутверждение «Я» так соответствует юношеским порывам, тем более при атеистическом воспитании.

И все же ницшеанство не стало главенствующим в моем мировоззрении. Одновременно и параллельно с этим был жгучий интерес к немарксистским разновидностям социализма. Собственно говоря, в казенном марксизме претила в первую очередь не проповедь насилия и диктатуры пролетариата, а – лицемерие, когда говорят одно, а делают другое. Социальная справедливость представлялась аксиомой, но ее марксистская упаковка отвращала. Так же, как отвращал и капитализм, тут колебаний не было. В этой связи привлек внимание так называемый анархо-синдикализм и его теоретик Жорж Сорель. Его книга «Размышления о насилии» была, конечно, тщательно проштудирована. Впрочем, насилие подразумевалось «умеренное» – только лишь всеобщая экономическая и политическая стачка. Как-то не додумывались до того, что стачка перейдет в массовые беспорядки, именуемые революцией, и в энное количество крови.

9 февраля 1959 года

Этот день не стал важной исторической датой. Но для меня был вехой, расколовшей жизнь надвое: до и после.

Я поступил в Московский университет в 1955 г. на исторический факультет. Конкурс был 7 человек на место. Абитуриентом жил и готовился к экзаменам на Стромынке, в студенческом общежитии, в конце июля – первой половине августа. «Готовился» – это не то слово, я въедался в учебники, грыз их до остервенения. Ни танцев, ни кино, ни девушек в упор не видел, немного сна и непрерывная зубрежка. Сдал все на «5», а иначе бы и не поступил. 15 августа 1955 г. был счастливейшим днем в моей жизни: сдал на «отлично» последний экзамен и понял, что в эту цитадель науки попал. Бегал после экзамена по Москве, как угорелый. Первые год-два мечтал о стезе ученого. Карамзин, С.М.Соловьев, Ключевский были для таких, как я, кумирами. Занимался усердно. Потом наступило разочарование в коммунистической идеологии. Стали отталкивать фальшь и лицемерие режима. Плюс – упоение «сверхчеловека».

В конце лета 1957 г., когда наш курс убирал хлеб на целине в Кустанайской области, в Москве арестовали группу студентов и аспирантов исторического факультета. Возглавлял ее сам секретарь комсомольской организации истфака Лев Краснопевцев. «Гордостью МГУ» называл его комиссар факультета – преподаватель истории КПСС Савинченко. В группу входили Меньшиков, Обушенков (к тому времени кандидат исторических наук), Рендель, Пешков (впоследствии крупный специалист по Вьетнаму), Козовой (в будущем поэт и переводчик), Покровский, еще несколько лиц. Они тайно собирались в общежитии и обсуждали свои рефераты с критикой советской системы. Мировоззренчески пытались совместить большевизм с меньшевизмом. При этом считали себя государственниками, организацию свою назвали «Союз патриотов России». Мосгорсуд осудил «антисоветчиков» на десять, восемь и шесть лет. Сам Краснопевцев, естественно, получил «червонец». Про них говорили, что они даже наладили связь с польскими ревизионистами, с редакцией крамольной газеты «Попросту». Мы, третьекурсники, как раз в октябре 1957 года вернулись с целины, из Казахстана, и вдруг как снег на голову: «вражеская группа Краснопевцева»!

Той же осенью я познакомился с однокурсниками, о которых поговаривали, что у них «несоветские» взгляды, с Владиславом Красновым и Анатолием Ивановым. Критическое обсуждение политики партии и правительства переходило в желание сделать что-то полезное. Желание действовать вылилось у меня в учебный реферат «Комитеты бедноты в 1918 году», который я прочел на семинаре в своей группе 25 декабря 1957 г. Этот день я считаю началом своей политической биографии. На основании официально опубликованных источников я доказывал, что комбеды были «проводниками антикрестьянской политики большевистской партии». Без привычных титулов («основатель», «вождь») упоминал Ленина. Заранее ознакомил с рефератом, как положено, руководительницу семинара Чмыгу. Та разрешила зачитывать, но строго предупредила студентов: «Будьте внимательны! Доклад содержит опасные утверждения». Едва я закончил, как меня подвергли настоящей головомойке. В семинаре было человек пятнадцать. Обличали «ревизионистскую вылазку». Уже через день-два встал вопрос о моем пребывании в комсомоле (вступил я туда по убеждению в 14 лет, кстати, 7 октября 1952 г., в день, когда родился второй президент России Путин). 28 декабря состоялось шумное комсомольское собрание. Три имени было на устах. Наш однокурсник Аристов еще в сентябре прикупил пару листовок, отнюдь не против режима, но против личности Хрущева. КГБ передало дело на откуп факультетскому начальству, а партбоссы запланировали исключить Аристова из МГУ руками общественности, т. е. комсомола. Подоспела моя сковородка. А заодно решили пропесочить Краснова, чтоб неповадно было вслух говорить о своем нищестии и вообще об идеализме. Собрание проголосовало за исключение Аристова из университета (комсомольцем

он, кажется, не был). Краснову поставили на вид. По поводу меня разгорелись страсти. Был я компанейским парнем, ездил на целину, никогда не пропускал субботники. Юра Поляков, Володя Малов отстаивали меня от нападков студентов-коммунистов Ногайцева, Богомолова, от секретаря комсомольской организации (после ареста Краснопевцева) Левыкина. А накануне полуприятель Владимир Ронкин, рвавшийся в партию, настойчиво «советовал» мне добровольно уйти из МГУ в армию. Между прочим этот Ронкин, чистокровный еврей из Можайска (отец у него был председателем колхоза), годом раньше, в октябре 1956 г., подвыпив, ходил по комнатам общежития и звал всех идти воевать с Израилем (тогда как раз был конфликт на Ближнем Востоке). Лично я уже был готов добровольцем отправиться на войну защищать арабов, хотя меня Ронкин и упрекал: «Ты ведь едешь не по убеждениям, а из романтизма, как Байрон».

Курсовое собрание в конце концов решило вклеить мне строгий выговор за «ревизионистский» доклад, но в комсомоле оставить (а значит, и в МГУ). Говорят, в мягкости по отношению ко мне сыграл роль и такой эпизод. Адвокаты Краснопевцева и его подельников напирала на гнетущую «молотовскую» атмосферу истфака: «Недавно какой-то студент что-то не так написал в научном докладе, так его сейчас выгоняют из университета». Обвиняемые потому, понятно, и собирались конспиративно, что не было возможности обмениваться мыслями открыто.

Увы, я не оправдал доверия своих защитников. Прошел год. Я перешел на 4-й курс. Осенью 1958 г. сложилась новая (после дела Краснопевцева) «тайная» группа: поэт и переводчик Александр Орлов, философ и грузчик Анатолий Иванов («Рахметов»), Анатолий Иванов (позднее – «Скуратов»), я и еще пара человек стали еженедельно собираться у «Рахметова», жившего вблизи платформы «Рабочий поселок», и тоже перемывали косточки марксизму-ленинизму – вечно живому учению. Собрались было издавать подпольный журнал. Но в разгар наших нелегальных встреч 20 декабря 1958 года грянул обыск у А.М. Иванова («Скуратова»). Моя невеста А. Топешкина сразу откликнулась стихами: «Радость лежала распиленной Поленьями зла и добра...»

Оказывается, произошло следующее. Наш с Ивановым общий знакомый Игорь Авдеев, окончив МЭИ, работал в Новокузнецке (тогда еще Сталинске) и переписывался со своим приятелем. Тот как-то был в отъезде, письмо Игоря прочитала мать и пришла в ужас: товарищ сына ругал родную КПСС. Письмо немедленно было передано в КГБ. И – завертелось дело. 9 декабря 1958 г. инженер-энергетик и поэт И. В. Авдеев был арестован у себя в Сибири, при обыске изъяли адресованные ему письма А.М. Иванова, тоже «антисоветские», – и в Москве, на квартире Анатолия Михайловича переворачивают все, что с буквами. Находят рукопись «Рабочая оппозиция и диктатура пролетариата» с критикой РКП(б) и лично Ленина. Спустя месяц, изучив тексты, чекисты 31 января 1959 года берут в Исторической библиотеке А.М. Иванова.

Предпоследний день студенческих каникул – 7 февраля – я провожу в «Ленинке», с упоением глотаю Платона. Вечером, устав от чтения, решил заехать к Анатолию на Малую Грузинскую. Но его нет, меня встречают заплаканная мать, убитый горем отец: «Толю посадили!» Возвращаюсь к себе в общежитие на Ленгорах сам не свой. Впервые в жизни снаряд падает так близко. Что предпринять? Как помочь товарищу? Как вытащить его из тюрьмы? Об этом думаю ночь и следующий долгий воскресный день. Помнится, даже ходил в тот выходной что-то разгружать для заработка, но мыслями весь с узником. С кем посоветоваться? На истфаке учился по путевке Итальянской компартии наш ровесник Эцио Феррера. Советуюсь с ним. Мне известно, что хотя он и коммунист (ИКП), но тихо оппозиционен. «Не надо спешить, – говорит Эцио, – сначала надо выяснить, за что посадили. Может, он курицу украл». Шутка не веселит. К концу дня прихожу к выводу, что я ДОЛЖЕН (императив Канта!) завтра, девятого, в первый день второго семестра заявить протест. Иванова знали на факультете

мало. Многих удивляло его поведение: не был членом ВЛКСМ и отказывался даже вступать в профсоюз. На призывы шагать в ногу со временем отвечал: «Я – христианин». Был известен, пожалуй, только исполнением песен Ива Монтана на французском языке. Был талантлив, знал несколько иностранных языков. Более других с Анатолием общались я и Владислав Краснов, которого наши партяйтеры прозвали «эсером». Ну и, конечно, та группа, что съезжалась в «Рабочем поселке». Кстати, в прежнем составе мы больше не собирались. Случись донос и арест, в историю вошла бы еще одна «антисоветская» группа. История... Вот у меня сейчас, в начале XXI века лежит на полке комплект журнала «Былое» за 1906 год. Там подробнее описаны деяния и соответственно мытарства русских революционеров, включая отъявленных террористов-бомбистов, за 60-е, 70-е, 80-е годы XIX века. Тогда, в 1906 году, все это, видимо, многих волновало и вдохновляло. Журнал-то, наверное, расходился и был популярен. Понес я хронику государственных преступников в букинистический магазин: «Не пропадать же добру, все-таки какая ни на есть – история». Не взяли у меня букинисты макулатуру, никому не нужна. Вот так. А люди жертвовали собой за социализм и свободу, иные и на плаху шли. А потомков ни плаха их, ни жертвы абсолютно не интересуют, покупать книги об этих героях не хотят.

И вот наступает утро 9 февраля. Мы – во вторую смену. Еду на занятия. В 18 часов – лекция по педагогике в аудитории по улице Герцена. Обычно я сижу высоко, сзади. Но на этот раз пересаживаюсь на первый ряд, вниз. Боюсь, что заминка при спуске затормозит мою решимость. После первого академического часа, в 18–45, звонок: перерыв. Я вскакиваю, подбегаю к кафедре и громко – быстро кричу на весь зал-амфитеатр: «Хрущев объявил, что у нас теперь нет политзаключенных. Однако в органах КГБ нашлись люди, которые бросили в застенок нашего однокурсника Анатолия Иванова. Я призываю общественность встать на защиту нашего товарища!»

Три фразы, три предложения мгновенно сломали мой статус лояльного советского человека. На десятилетия я был сброшен вниз, к подошве социальной пирамиды. В зале было человек двести, наш четвертый курс Исторического факультета Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Государственного университета имени М. В. Ломоносова (так я радостно титуловался студентом этого «мирового центра науки» в письме домой маме после сдачи последнего вступительного экзамена 15 августа 1955 г.). О Хрущеве напомнил потому, что как раз в конце января – начале февраля 1959 г. состоялся так называемый внеочередной XXI съезд КПСС, принявший теперь уже «семилетний план». (А. Топешкина: «Вехи на дорогах семилетки в будущее, к счастью – не мое»). И на этом съезде либеральный вождь, отец оттепели, действительно с пафосом объявил об отсутствии политзаключенных в СССР. Дескать, при Сталине они были, а ныне – испарились. В это время в политлагеря Мордовии уже был этапирован «Союз патриотов России», сидел математик Револют Пименов, везли под конвоем группы В. Трофимова, В. Поленова... Сидел под следствием Авдеев. В августе 1958 года получил 25 лет за «контрреволюционную пропаганду» (новый кодекс с лимитом в 15 лет ввели в конце года) «истинно православный» христианин из Казани Калинин. Он «призывал» не ходить на выборы и не вступать в колхоз – я лично читал его обвинительное заключение.

Сказал и сел. Словно взорвалась бомба. Ко мне немедленно подскочили члены партии, комсомольские активисты: «Это провокация!», «Это поступок обывателя!», «Кто тебя научил?» и далее в том же духе. Я отбивался, как мог, экспромтом. Внутренне был доволен, что в последний момент не струсил: сделал то, что решил. В следующий перерыв ко мне подошли и холодным официальным голосом сказали: «В девять, после занятий, тебя вызывают на комсомольское бюро!»

На курсовом бюро – шквал речей: «Провокатор!», «Обыватель!», «Ревизионист!», «Ты замахнулся на славных чекистов!»... Решением бюро я был исключен из рядов ВЛКСМ за поношение «вооруженного авангарда коммунистической партии – органов госбезопасности». Где-то в середине февраля снова прошло показательное комсомольское собрание. Теперь клей-

мили одного меня. Теперь и Юра Поляков, защищавший меня в декабре 1957-го, отступился: «Он обманул наше доверие!» Собрание подавляющим большинством голосов проголосовало за исключение отщепенца из комсомола и за то, чтобы «просить деканат об отчислении Осипова из университета». «Против», т. е. в мою защиту, поднялось три-четыре руки: Володя Малов, Люся Птицына, кто-то еще.

Позже сообщили, что я исключен из МГУ за «непосещение лекций». Это была неправда, но неправда взаимовыгодная: начальство снимало лишнее политическое бельмо, а я получал все-таки не волчий билет, а приемлемую бумагу. Действительно, в дальнейшем мне удалось получить диплом заочно в другом вузе. В дальнейшем, а пока ко мне в общежитие – отдельную студенческую комнату на Воробьевых (тогда – Ленинских) горах является милиционер и требует в двадцать четыре часа выписаться и покинуть общежитие и Москву.

Впереди маячили два срока по 70-й статье («Антисоветская агитация и пропаганда») и тридцать лет бездомной жизни. Что ж, слово не воробей... Или: «Слово – серебро, а молчание – золото»? Один день. Один день из жизни советского режима.

«Мы не эти и не те»

«Юность – это возмездие», – сказал забытый поколением пепси (а точнее – пива) Генрик Ибсен. 45 лет назад молодые люди, выросшие под колпаком фарисейства и лжи, осуществили, как могли и как умели, – прорыв к правде, к свету и совести, как они их понимали. Претворился акт возмездия. Дети и внуки тех, кого стреножили (и кто сам стреножил) пути бесчеловечной красной схоластики, – восстали. Взбунтовались против классовой идеологии и против диалектики, лишенной сердца.

Отрицание лицемерия было главным. Поэзия оказалась на первом плане. Поэты «площади Маяковского» в Москве – еженедельных по выходным с 8 вечера до часа ночи (пока ходило метро) собраний под открытым небом с июля 1958 до конца 1961 года – пытались, каждый по-своему, разбудить человеческую массу, встряхнуть попавших под красное колесо или монотонно-серый жернов номенклатуры.

Осенью 1958 года я вернулся с целины, из Северо-Казахстанской области, где в совхозе «Барашево» наш факультет убирал пшеницу, и узнал от Толи Иванова о необычном явлении в общественной жизни столицы. При торжественном открытии монумента Маяковскому, едва ли не самому страстному певцу коммунизма, 29 июля 1958 г. романтик Н.С.Тихонов («Гвозди б делать из этих людей. Крепче б не было в мире гвоздей...») перерезал ленту, а министр культуры Михайлов произнес речь, в заключение митинга советские официальные поэты читали стихи на площади, а когда закончили, их сменили люди из толпы, простые граждане, которые читали либо Маяковского, либо еще кого, либо свои собственные вирши. Это всем так понравилось, что решили собираться и впредь по субботам и воскресеньям. Газета «Московский комсомолец» 13 августа даже дала объявление о намеченных встречах. Читали Маяковского, Симонова, Есенина, Евтушенко, забытого Гумилева, Ахматову, Цветаеву, тогда еще не преданного анафеме Пастернака и многих других. Читали и свои собственные вирши. Когда же в этих чтениях стали мелькать крамольные или просто неконформистские мотивы, собрания рассеяли. Но ненадолго. Где-то с середины 1960 г. «площадь Маяковского» как бы возродилась. Появилось второе дыхание. Еженедельно по выходным публика приходила «на огонек». И хотя рифмы первенствовали, молодежь потянулась и к более последовательному, а не только эстетическому, осмыслению происходящего. Стихи порождали дискуссии. Никто не хотел быть коммунистическим лицедеем, но и буржуем тоже никто не желал быть. Тем более, что все поэты, будь то Юрий Галансков, Владимир Ковшин (Вишняков) или Аида Топешкина, были бессребрениками в самом прямом, буквальном смысле этого слова. Все были стихийными антикапиталистами. Нам одинаково претили и Ленин, и Ротшильд. «Мы не эти и не те», – вдохновенно писал Аполлон Шухт. Сколько неподдельного негодования выражали, например, стихи Галанскова против пошлости бытия людей, прикованных «горстью монет» к вещам, поглотившим душу.

Особенно памятным был вечер 14 апреля 1961 г., в 31-ю годовщину гибели Маяковского, которого, кстати, мы считали тогда оппозиционером. Позже, в лагере, знаток его творчества Андрей Синявский рассказывал, что действительно в последние годы у этого трибуна революции появилась некоторая оппозиционность к режиму. Даже, например, читая стихи «Жезлом правит (милиционер), чтоб ВПРАВО шел, пойду направо – очень хорошо...», поэт делал при этом крайне скорбную физиономию: «вправо» идти не хотел. Но 31-я годовщина его смерти совпала с празднованием успешного полета Гагарина, и наше «сборище» вызывало у властей еще большее отторжение. Они восприняли наш митинг как вызов. В тот вечер при свете прожекторов толпа в 400–500 человек (возможно, и больше) зачарованно слушала наших бунтарей, особенно Толю Щукина: «Сыт ли будешь кукурузой...» Почему-то именно эти строчки взвинтили комсомольскую спецгруппу Агаджанова («органы» были в тени, а на плаву была,

так сказать, общественность, типа современной путинской структуры «Наши»). Они с яростью бросились к Щукину. Мы плотным двойным кольцом, сцепившись за локти, отбивали натиск ретивых комсомольцев. Возня, крики. Огромный человеческий ком покатился к кинотеатру «Москва». Щукина прижали к стене. Внештатные чекисты схватили, наконец, бунтовщика и передали милиции. Одновременно был схвачен и я. «Держите того, в шляпе, он у них главный!» – вопили агаджановцы. Меня босого метнули в легковую милицейскую машину, в спину бросили выпавшие ботинки. На следующий день состоялся суд (по статье о «хулиганстве»). Щукину дали 15 суток. Столько же хотели дать и мне, но я дико запротестовал против дежурной лжи: «нецензурно выражался». Всегда брезговал мата, даже в молодости. Мое возмущение изумило судью, и мне «скостили» срок лишения свободы до 10 суток.

В 1997 году вышел сборник материалов Людмилы Поликовской «Мы предчувствие... предтеча...» о «площади Маяковского». Людмила Владимировна назвала «политиками» тех, кто не был поэтом, но целенаправленно приходил на эти вечера у памятника. Так вот «политиков» или идеологов пленяли рабочие советы по образцу Югославии (страну эту времен Тито, естественно, идеализировали). Чаяли анархо-синдикалистского варианта социализма. Наши с А.М. Ивановым наработки (Сорель, Бакунин, Шляпников) тут имели успех. Именно с позиций «югославского ревизионизма» была написана программа предполагаемой организации, зачитанная мною в Измайловском парке 28 июня 1961 г. С этого дня те, кто там собрались (Эдуард Кузнецов, Евгений Штеренфельд как представитель Галанскова, Анатолий Иванов, я и будущий автор посадочных показаний Вячеслав Сенчагов), чувствовали себя уже как бы членами подпольного сообщества, возникшего на основе поэтического «маяка». Единение мыслилось во имя политического просвещения, в первую очередь рабочих – по рецептам революционеров начала века. Так сказать, небольшевистский социализм, но и не социал-демократия, которая тоже отталкивала сытым самодовольством (ни один тогдашний эсдек Европы у нас не вызывал восторга).

Итак, было два направления: политическое и «поэтическое». При этом поэт Юрий Галансков и «политик» Осипов были причастны к обоим. В общественном плане нас живо заинтересовали стихийные народные мятежи в Муроме (30 июня 1961 г.) и Александрове (23–24 июля 1961 г.). Не успев осмыслить программу и цели пока еще не созданной «синдикалистской» организации, мы отвлеклись на эти события. Сенчагов предложил съездить в Муром. Он убедил Кузнецова, и они съездили на место происшествия. Увидели сожженное здание милиции. В этом городе старший мастер завода им. Орджоникидзе Ю. Костиков выпил, неудачно сорвался с грузовика на асфальт, разбил голову и без медицинского освидетельствования помещен в камеру для пьяниц.⁴ В этой камере пострадавший провел всю ночь. Наутро его нашли при смерти. Вызвали «скорую помощь», но было уже поздно. Не приходя в сознание, Костиков умер в больнице от кровоизлияния в мозг.

То есть современный исследователь не упоминает об избиении мастера в милиции. Но тогда в городе многие сочли, что именно милиция забила его до смерти. А по данным историка получается, что вина милиции скорее косвенная: без осмотра врача поместили в камеру. Когда через несколько дней Костикова хоронили, траурная процессия прошла мимо городского отдела МВД. Некто Панибратцев выскочил из колонны и с криком «Бей гадов!» швырнул пару камней в окна милиции. Засим посыпался уже град булыжников. У горотдела милиции возник стихийный митинг. Все проклинали «ментов». «Хулиганствующими элементами» было подожжено дежурное помещение, потом автомашина, а внутри здания начался погром, избиение милиционеров, дружинников и других должностных лиц, включая прокурора города.

По данным Козлова, большинство погромщиков были пьяны и в основном мстили милиции за прошлые обиды. Из КПЗ было освобождено 26 уголовников и 22 «хулигана». Здание

⁴ Излагаю по монографии В.А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев» (Новосибирск, 1999).

милиции было выжжено изнутри. Возвращаясь из Муром, Кузнецов и Сенчагов узнали по дороге и о похожих событиях в Александрове, в той же Владимирской области. В Александров для сбора информации отправились Кузнецов, Хаустов и Осипов. Поводом для конфликта, случившегося 23 июля 1961 г., послужило задержание двух солдат из Загорска (теперь – Сергиев Посад) местной милицией. Некоторые женщины, видевшие арест, подняли шум. Смеркалось. Толпа в 50–60 взвинченных лиц требовала освобождения задержанных. Приехал подполковник из той части, где служили солдаты. Толпа росла до 100 и потом до 500 человек. С криками «Устроим, как в Муроме!» стали раскачивать автомашину офицера, который пытался бежать. Героем «погони» за подполковником был грузчик Зайцев, герой войны. Этот Зайцев потом ворвался в милицию с «революционными» целями и там был зверски избит такими же громилами, которые приняли его за «мента».

Все перемешалось. Горотдел был подожжен. Власти вызвали пожарных и войска. Пожарным не давали тушить. Штурмовали тюрьму, но безрезультатно. Как пишет Козлов, «во время штурма тюрьмы 4 человека были убиты и 11 ранены...» и «только к 2 часам ночи 24 июля прибывшие в Александров воинские подразделения подавили бунт, а пожарные машины смогли приступить к тушению пожара».

Мы с Кузнецовым и Хаустовым были в Александрове через неделю, по свежим следам, 30 июля. Видели сгоревший остов здания милиции, военные патрули на тихих улочках присмирившего районного центра. Рассказывать о случившемся никто не хотел. Узнали мало, однако предполагали все же в основе событий социальную струю. С тем и подумывали о листовках, в которых надеялись подчеркнуть момент политического протеста. Но колебались, уж больно расходилось с нашими иллюзиями о народной революции криминальное начало и в муромских, и в александровских беспорядках.

Поэтому до листовок дело так и не дошло, что не помешало следователям КГБ все собрать «до кучи». Любое намерение засчитывали за криминал. Например, статья 70-я, по которой нас судили, говорит об «антисоветской агитации и пропаганде». У меня лично было зафиксировано хоть два крамольных выступления на частных квартирах, куда мы уводили своих сторонников с площади. У Кузнецова не было НИ ОДНОГО публичного выступления, и все равно – «пропаганда»! Теперь, на склоне лет, я осознал, что стихийные массовые беспорядки чаще всего имеют криминальную основу, мотором толпы становится шпана. Историк Козлов так и пишет о «восстании» в Александрове: «Активное ядро погромщиков отличалось прежде всего повышенной концентрацией криминальных или полукриминальных элементов».⁵

Думается, что массовые беспорядки 1905 года в России отличались тем же. Как и роковой Февраль в Петрограде, когда горьковские челкаши избивали (и убивали) городских и еще почему-то трамвайных вагоновожатых. Некоторые сегодня зывают к «народной революции». Хотелось бы им напомнить об этой грустной истине. Хотите разгула бандитов, смиритесь, что и вас будут калечить и убивать, как в Александрове изувечили «своего» же Павла Зайцева, «перепутав».

Конечно, есть во всем этом и «гносеологическая» сторона. При неправовом режиме уголовники тоже – жертвы режима и многим действительно есть за что мстить. Это клубок, запутанный поганой февральской революцией 1917 года. Кстати, исследователь Козлов упоминает на странице 287 о наших поездках в Муром и Александров летом 1961 г. на основании материалов Государственного архива.

И параллельно с «политическим» направлением мы активно участвовали и в «культурологическом». Зимой – весной 1960 г. машинописный сборник неподцензурной поэзии «Синтаксис» издал Александр Гинзбург, впоследствии известный правозащитник. В июле издатель

⁵ Указ, соч., с. 270

«Синтаксиса» был посажен, а в ноябре 1960 г. я издал сборник «Бумеранг». Здесь уже были не только стихи (Щукин, Шухт, Ковшин), но и критические статьи, проза Виктора Калугина (ныне – известный писатель-почвенник), а также размышления художника В.Я. Ситникова.

Последний был значительно старше нас (родился в 1915 году), был большим оригиналом. Не признавал правил русского языка, писал так, как слышится. На картинах любил изображать не лицо, а другое место. Но иностранцам его творчество нравилось, и эти необычные «портреты наоборот» ими охотно раскупались. «Официально он считался душевнобольным и получал пенсию по инвалидности», – пишет знаток «подвальной» богемы Михаил Агурский. Кстати, он же отмечает, что многие художники этого круга «были учениками незаурядного человека Евгения Кропивницкого, учителя рисования в районном Доме пионеров», а его (Кропивницкого) учителем и другом был поэт и бродяга Филарет Чернов, известный своими антирелигиозными стихами в 1922–1923 гг., т. е. в самое сатанинское время. «Это, – считает Агурский, – отразилось и на его учениках».⁶ До него я успел познакомиться с картинами Рабина, того же Кропивницкого, Вейсберга. Это все были подпольные, т. е. неофициальные, художники. Позже сестра Юрия Галанскова Лена, хорошо знавшая многих непризнанных гениев, рассказывала: «Придешь в их компанию, об искусстве – ни слова, только о «бабках», кто сколько заработал». Как правило, многие из них не ведали никакой школы, систематически рисунку и прочим премудростям не учились.

В своем очерке 1970 года «Площадь Маяковского, статья 70-я» я писал: «Вместе с Анатолием Ивановым («Рахметовым») и кругом наших однодумцев я организовывал выставки этих художников на частных квартирах. Спустя много лет я внутренне отрешился от всякой живописи, которая покидает природу и человеческую душу, мне стал неприятен своим аморализмом абстракционизм и смежные с ним направления, я понял, что полотна Пикассо вопят об относительности всего святого. Но я не хочу зачеркивать свою молодость и свои усилия, отданные в 1960–1961 гг. пропаганде левой живописи. Я ни в чем не раскаиваюсь. Пропаганда формалистических направлений сделала свое доброе дело – пробил брешь в стене конформизма». Сегодня, спустя 35 лет после написания этих строк, я еще более непримиримо отношусь к авангардизму и смежным с ним течениям. Считаю это сатанинским искусством, сознательным бунтом против Божьего мира. Век живи – век учишься. Сегодня я РАСКАИВАЮСЬ в том, что согрешил в молодости по части пропаганды псевдоискусства. 35 лет назад, в 1970 году, уже став православным монархистом и консерватором, я еще не понимал, что и хорошая цель (сокрушение большевистского конформизма) НЕ оправдывает средства. Эту часть молодости я перечеркиваю. Вот они – черновики жизни.

Добавлю к этому мнение великого русского художника И.С.Глазунова: «На международном конгрессе в Швейцарии, для больных, теряющих сознание и связь с реальной действительностью, введен медицинский термин «синдром Кандинского»... В основе так называемого абстрактного искусства лежит культ психики больного человека... Черная волна безумия или душевного расстройства захлестнула, к сожалению, содержание творчества многих художников XX века. Доводя искусство до безумия – абсурда, эта тенденция, направляемая стоящими в тени «дирижерами», помноженная на шаманство и кликушество первобытных народов, чтобы не сказать людоедов – дикарей и сатанистов, сегодня стала господствующей на экранах телевидения, страницах журналов и книг».⁷ Действительно, среди левых творцов было немало психически нездоровых людей. Но мы по молодости воспринимали это либо как печать гениальности, либо как умышленно ошибочный диагноз, продиктованный политическими целями. Подчеркиваю: речь идет о более раннем времени, ДО того, как ведомство Андропова в самом деле взяло такой метод борьбы с инакомыслием на вооружение.

⁶ Агурский М. Пепел Клааса. Иерусалим, 1996. С. 244–245.

⁷ Глазунов И.С. Россия распятая. М., 1996. С. 75.

В студенческие годы я успел пообщаться и с некоторыми легальными поэтами, конкретно с Иваном Харабаровым и Юрием Панкратовым, тогда студентами Литературного института, на которых я вышел через их знакомого Бориса Колесникова. Кстати, тот же Колесников из Литинститута меня познакомил и с Игорем Авдеевым. Он любил соединять людей в атомизированном советском обществе. Харабаров прославился стихотворением «Железные люди»:

Поезда тяжеловесные
Сотрясают грудь земли.
Люди ржавые, железные
Мне мерещатся вдали.
И слышны неумолимо
Их шаги и там, и тут,
Тяжело, неумолимо
За моей душой идут.
Чтоб руками неживыми
Задушить меня навек,
Чтоб забыл я вместе с ними
То, что был я человек.
Что тут крики бесполезные?
Не видать кругом ни зги.
Люди страшные, железные,
Неподвижные мозги.
Выхожу один навстречу
Их бесчисленным рядам.
Свою душу человечью
Я железу не отдам.

Панкратов стал известен поэмой «Страна Керосиния», написанной в том же духе, что и «Железные люди». Оба были бунтарями. Часами мы обсуждали в их общежитии втроем-вчетвером-впятером проблемы спасения России от красного ига. В период кампании против Б.Л.Пастернака в литинститутской стенгазете появилась карикатура: «Опасная насадка». Большая хохлатая курица с головой мэтра, автора «Доктора Живаго», своими крыльями прикрывала яйца с едва вылупившимися головенками Харабарова и Панкратова. Между прочим, рядом была карикатура на Беллу Ахмадулину, тащившую на веревочке игрушечную автомашину: намек на то, что ее тогдашний супруг Евгений Евтушенко подвозил на учебу свою жену-студентку. К Пастернаку ее подвязать, видимо, не удалось, так зацепили хоть таким образом. Позднее, когда я уже сидел, Харабаров, как говорят, стал сильно пить. Талант ушел в песок. Кажется, и умер он в поддатом состоянии. Упокой, Господи, душу раба Божьего Ивана.

Андрей Зорин считает, что генерация «пятидесятники» в смысле поколения, а не членов протестантского религиозного объединения существовала. Предшествовала шестидесятиникам. Они-то и вышли к площади Маяковского. «Потом они стали диссидентами, учеными, инженерами, обывателями. В поэты, кажется, почти никто не выбился. А тогда они просто были очень молоды... Кто может судить, чья молодость лучше, чья хуже? На сегодняшний вкус, та, старая, на бывшей и нынешней Триумфальной даже как-то веселей». ¹ Не мне судить о своем поколении, но добавлю, что если в этом смысле пятидесятники существовали, то именно «Маяк» был самым ярким проявлением той неповторимой исторической минуты в маске оттепели. Додиссидентского периода.

Кто хотел убить Хрущева?

Возможно, нам с Кузнецовым не дали бы по 7 лет, не будь особо зловещего «эпизода» в нашей деятельности. В приговоре Мосгорсуда от 9 февраля 1962 г., в частности, говорилось, что я «в августе – сентябре 1961 года, совместно со своими соучастниками, обсуждал возможность совершения террористического акта в отношении Главы Советского правительства».

В 1997 году я шел по улице и вдруг увидел у продавца газет свежий еженедельник «Мир новостей»⁸ с броским заголовком на первой странице «Кто хотел убить Хрущева» (без вопросительного знака). Я удивился и подумал, усмехаясь: «Кто же *гит* хотел этого?» Купил газету. Оказывается, мы в 1961 году.

Журналист Феликс Покровский в статье «К убийству Хрущева было все готово» совершенно серьезно пишет о нашем «замысле». Говорили ли мы на эту тему? Да, говорили. В августе 1961 г. Хрущев воздвиг стену в Берлине и заявил, что в дальнейшем весь Берлин должен войти в состав ГДР. Он пригрозил западным державам, что если они до 1 января 1962 года не прекратят полеты своих лайнеров из ФРГ в Западный Берлин, то советские войска будут сбивать эти самолеты.

Мы расценили это как провоцирование новой мировой войны. В ноябре 1956 года Хрущев уже угрожал военными действиями Западу в связи с агрессией Великобритании, Франции и Израиля против Египта, и Запад тогда отступил. Теперь, в августе 1961 г., Западу был предъявлен новый ультиматум. Как показывает А.М. Иванов: «Мы считали: Хрущев ведет авантюристическую политику, направленную на эскалацию войны, и я высказал мысль, что возможен вариант «Гаврило Принцип наоборот», то есть одним выстрелом предотвратить войну. Но Ременцову я не верил. Выдвигалась кандидатура Эдика Кузнецова».⁹ Да, где-то около трех недель эта идея, именно как идея, обсуждалась. Виталий Ременцов познакомился с Ивановым в психушке, где он сидел вместе с Ивановым (где Анатолий Михайлович оказался в результате того самого ареста 31 января 1959 г., по поводу которого я возмутился 9 февраля 1959 г.). Он (Ременцов) сам брал на себя миссию снайпера и только просил помощи. Кто-то посвятил в эту идею Галанскова, а Галансков почему-то – Сенчагова. Если верить показаниям неизвестного мне Юрия Стефанова, последний рассказывал о В. К.Буковском: «... то явится с бутылкой пива, изображая гусара, кинет ее с пятого этажа и скажет: «Я взорву XXII съезд партии».¹⁰ То есть даже Буковский муссировал террористическую идею, пусть даже шутя. На «Маяке» можно было, совершенно независимо от наших с Ивановым и Кузнецовым разговоров, услышать нечто подобное. Сам Буковский показывает: «Единственный человек, который относился к этой идее всерьез, был Виталий Ременцов... Я встретил его в 63-м году в Ленинградской психушке... Он был какой-то знакомый друга Осипова, Анатолия Иванова-Новогоднего..., верил ему абсолютно и был вполне готов осуществить убийство советского лидера. За что и поплатился жестоко – просидел в психушке чуть не 5 лет (он был вполне нормален, просто не любил советскую власть)»¹¹. И далее о Сенчагове: «Он принял всю эту затею очень серьезно»¹². В середине сентября 1961 г. в советско-американских отношениях произошел поворот в лучшую сторону, напряженность спала и мы все, включая прежде всего инициатора идеи А.М. Иванова, сняли «террористическую» идею (повторяю, всего лишь как идею) с обсуждения и к ней больше не возвращались. Все!

⁸ № 35 от 1 сентября 1997 г.

⁹ Сб. Людм. Поликовской, с. 237.

¹⁰ Сб. Людм. Поликовской, с. 131.

¹¹ Там же, с.18.

¹² Там же, с. 21.

Дураки мы были или не дураки, но после 18 сентября 1961 г. – я это очень четко помню – идея не муссировалась, не обсуждалась, о ней забыли. Мировой войны не будет, и слава богу! Так что Вячеслав Константинович Сенчагов отправился в КГБ докладывать о том, чего не было. Сообщать о перечеркнутых разговорах. За два дня до ареста, 3 октября, мы с Кузнецовым были у Юрия Галанскова на его квартире на Ленинском проспекте и Юра нам сказал: «Я держу человека, который рвется в КГБ». Фамилию «рвущегося» он не назвал. Мы с Эдиком как могли разубеждали его. Его, может, и убедили, но роковым оказался следующий момент. В эти же дни я встретил Толю Щукина, с которым посидели немного в кафе «Огни Москвы» на крыше ныне снесенной гостиницы «Москва» и расстались. Себе на беду я сказал: «Вот жизнь. Вечер, покой, а завтра суeta и очередная акция». Т. е. я имел в виду вечер в Доме культуры или поход в Манеж на выставку живописи, где мы пропагандировали свои антиконформистские взгляды. Сентябрь 1961 года – это были сплошные «культурологические» мероприятия. И это несмотря на то, что я преподавал историю в 727-й школе гор. Москвы более чем по полной нагрузке. Занят я был и работой своей, и «просветительством» по горло.

А поэту Щукину почудился в моих словах намек на теракт. Он побежал к своему другу Сенчагову, к Галанскову, Шухту, Ковшину. Все белены объелись. Сенчагов принял решение спасти демократическое движение от погрома, который, дескать, случится в результате теракта экстремистов Иванова, Кузнецова, Осипова. Сначала посоветовался со старшим другом и наставником, большим либералом Кивой Майдаником, написавшим книжку о революции 30-х годов в Испании. Тот и сам позвонил в КГБ по «либеральным» каналам и Вячеслава Константиновича благословил. Я читал показания Сенчагова от 5 октября 1961 года. Дескать, на «площади Маяковского» было два направления, две группы лиц. Одни – это хорошие советские люди, только слегка ошибающиеся насчет политики партии в области литературы и искусства. И другие – радикалы, стремящиеся к насилию. Конкретно назвал Иванова, Кузнецова, Осипова. Они, мол, затевают страшное злодеяние: «взрыв XXII съезда КПСС». Буквально так. Мало того, что он, ничего толком не зная о наших уже преданных забвению разговорах «Гавриила Принцип наоборот» ДО 18 сентября 1961 г., еще и изображает эти перечеркнутые, похороненные разговоры как действительные на момент явки в КГБ, он еще и просто СОЧИНЯЕТ то, чего и в мыслях ни у кого не было: «взрыв партийного съезда». Словом, дал органам КГБ достаточный повод для нашего ареста. Сенчагов не раскаялся и по сей день. Он и сегодня считает, что спас государство от террористов. Т. е. полагает, что мы так хитро надули органы, что они ничего реального не нашли. Между тем, если бы действительно хоть что-нибудь было, нам дали бы срок за подготовку террористического акта, а не за антисоветскую пропаганду. Но срок нам Сенчагов, конечно, увеличил. Не будь «террористических» бредней, нам за все остальное дали бы от силы 2–3 года. А может, и сажать не стали бы, ведь арест был инспирирован и ускорен доносом о теракте.

Мне горько сознавать, что «источником» фантазий Сенчагова – Щукина явилась моя фраза: «Вечер, покой, а завтра суeta и очередная акция». Опасно общаться с экзальтированными поэтами. Опасно для собственной безопасности. Того и гляди, упекут в лагерь. Между прочим, примерно за полгода до нашего ареста Сенчагов обратился ко мне и Иванову: «А не связаться ли нам с американской разведкой?» Мол, они бы помогли в борьбе с режимом. Я лично пришел в ужас от такого предложения. Иванов среагировал спокойнее, но тоже изумился. Спрашивается, сам ли Сенчагов придумал это или его надоумили? Сенчагов, на мой взгляд, летом и осенью 1961 г. вел себя, мягко говоря, не логично. 28 июня он в составе узкой «проверенной» группы в Измайловском парке полностью поддержал идею подпольной организации и стал проявлять большую активность по части «революционных» помыслов. Именно он убедил Кузнецова съездить в Муром для изучения случившихся там событий, как предполагалось, «народного восстания». И они съездили и обследовали. Инициировал он и нашу другую поездку (30 июля) – в Александров. А потом внезапно у него резко изменилось настроение, он

вдруг решил «выйти из игры», опомнился, так сказать, и 9 августа (я запомнил эту дату, потому что это мой день рождения) он мне заявил, что «отходит от политической деятельности» (едва начавшейся) и намерен впредь работать только в сфере науки, экономической науки. Однако, несмотря на УХОД и открытый разрыв с нами, продолжал крутиться и вокруг Галанскова, и вокруг других наших соратников. Бедная наука снова оказалась заброшенной. Почему? В дальнейшем, «разоблачив» экстремистов, он писал учебник по экономике и даже стал министром – председателем Государственного комитета по ценам в правительстве Павлова.

В то время КГБ возглавлял весьма честолюбивый Александр Николаевич Шелепин. Он был в оппозиции к Первому секретарю, так сказать, «справа», сам метил в лидеры, позднее участвовал в заговоре Политбюро против Хрущева. Дело Осипова – Кузнецова (Иванов был отправлен в психушку, так что я оказался коноводом) понадобилось Шелепину, чтобы доказать, как опасен «либеральный» курс Никиты Сергеевича. Стоит чуть-чуть отпустить вожжи, и на тебе: тут же и террористы. Донос Сенчагова – Майданика оказался более чем кстати для «железного Шурика». Думается, состряпанное «дело» тоже сыграло свою роль в последующем ужесточении режима. Так что Сенчагов и Майданик добились прямо противоположного, чем хотели (если «хотели»...).

Спустя год, 28 мая 1962 г., вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о дальнейшем зажиме положения политзаключенных, конкретно о двух и только двух видах режима для инакомыслящих («антисоветчиков»): строгом и особом. Ранее, в 1956–1961 гг. видов режима было четыре: общий, усиленный, строгий и особый. Первые три вида – обычная зона с правом хождения внутри заборов (разница была в количестве «льгот»: посылок, свиданий и т. п.). Особый режим – фактически крытая тюрьма в лагере. А нам с Кузнецовым Московский городской суд 9 февраля 1962 г. (судья Коржиков) дал усиленный режим, более мягкий, чем строгий, на котором мы провели год с хвостиком. После майского Указа 1962 г. суды пересматривали всем виды режимов и обычно вместо усиленного давали строгий.

Однако нам с Эдуардом (и добавленным «до кучи» Бокштейном) дали не строгий, а ОСОБЫЙ режим: полосатая одежда, камера под замком, никаких посылок, никакого допитания и прочее. Особый в основном давали исключительно рецидивистам или тем, кому расстрел заменили сроком. Прокурор Молочков заявил, что «антисоветская деятельность Осипова, Кузнецова, Бокштейна носила особо злостный характер», была широкомасштабной и долговременной, вследствие чего отпетым негодяям в порядке исключения следует объявить не строгий, а – особый, спецрежим. И 8 июля 1963 г. нас отправили на зону ЖХ 385/10 (пос. Ударный) с особым режимом. Мы попали к рецидивистам, среди которых не менее половины были законченные уголовники. Последняя-то статья у них была «политическая»: опасаясь расправы за карточный долг или стукачество, бытовик царапал каракулями «антисоветскую» листовку, что-нибудь в духе «Хрущев» и далее матерная брань, вывешивал ее в зоне на видном месте, тут же крутился, его «арестовывали» в зоне, еще раз судили, теперь уже за «антисоветскую пропаганду», давали весомый срок и отправляли на спец к настоящим политическим. Чекисты убивали сразу нескольких зайцев: усугубляли шпаной моральное состояние политзеков, причем шпаной, которою и воры-законники брезговали, всяким комиссиям из Москвы показывали, какие политические в СССР, использовали эту категорию для слежки и провокаций. Кузнецов свидетельствует: «Такого тяжелого бытия я не видел за все свои 16 лет лагерей»¹³.

С сакральной точки зрения любопытно, что как раз в это время (лето 1963 г.) руководство МВД и КГБ СССР представило Н.С.Хрущеву проект физической ликвидации рецидивистов, т. е. лиц, сидящих на особом режиме. Зэки свидетельствовали, что на Урале уже готовили большую зону, куда начинали свозить эту «масть». Хрущев, говорят, порвал проект постановления. «Вы, что, с ума сошли?» – якобы кричал он своим оруженосцам. Наши адвокаты в

¹³ Сб. Л. Поликовской, с. 225.

конце концов доказали, что мы не столь «зlostны» и «широкомасштабны», и Мосгорсуд в январе 1964 г. пересмотрел собственное решение (от июня 1963 г.) и подарил нам СТРОГИЙ режим. Но 7 месяцев мы провели на спецу, среди урок, на камерном режиме. Там я стал убежденным националистом и монархистом. Там окончательно утвердился в Православии. Осуше- ствись задумка чекистов насчет окончательного решения вопроса об «особо опасных», мне, быть может, не пришлось бы писать эти строки. Разве пламенные поэты предполагали такое? Нет, конечно. Мы редко осознаем последствия своих поступков.

По доносу Сенчагова нас арестовали на следующий день, 6 октября 1961 года. Инкрими- нировали организацию «антисоветских сборищ» на площади Маяковского и на частных квар- тирах, обсуждение программы предполагаемой организации в Измайловском парке, намере- ние изготовить листовки, ну и, конечно, «обсуждение террористического акта». Лично мне вменили в вину два «антисоветских выступления», а Кузнецову – молчаливое «одобрение» тезисов о расколе комсомола, зачитанных Буковским. Приговор – 7 лет усиленного режима мне и Кузнецову, замененного сначала особым, а потом – после семи месяцев пребывания на спецу – строгим режимом. 5 лет получил Илья Вениаминович Бокштейн. С нами он почти не соприкасался, на площади Маяковского витийствовал не с «анархо-синдикалистских» пози- ций, а с откровенно антикоммунистических, «буржуазных». Свидетелями против него были в основном дружинники из отряда Агаджанова. Чекисты решили включить его в нашу группу, хотя он арестован был на два месяца раньше, 6 августа, прямо на площади, взят «с личным».

О ходе следствия Кузнецов говорит: «Все вели себя достаточно благородно»¹⁴. Впрочем, я и по сей день упрекаю себя в том, что давал показания на себя. И на себя не надо было пока- зывать. Стерильное поведение у меня было в 1974–1975 гг., во время второго следствия (по делу о журнале «Вече»): полный, абсолютный отказ от показаний: «Не скажу!» Зачем хитрить, увиливать, искажать события, когда так просто не говорить ничего. Брежнев не пытал, иголки под ногти не всовывал. Если что-то и было положительное при государственном социализме, так это в брежневский период. Хрущев был либералом для репрессированных коммунистов, но как он преследовал верующих, издевался над Церковью!

Сразу после приговора Мосгорсуда 9 февраля 1962 г., когда конвой вел нас по коридору, известная инакомыслящая Елена Строева вручила нам по букету роскошных цветов. Конво- иры мгновенно их вырвали. Я писал об этом эпизоде в своем очерке «Площадь Маяковского, статья 70-я», но, к сожалению, машинистка, видимо, не любившая Лену, выбросила эти строки из текста, а я не проверил. Мелочь, конечно, но как часто из таких мелочей рождаются обиды, недоразумения, неприязнь. Как часто наше бытие омрачает зависть и гордыня.

¹⁴ Сб. Л.П., с.224.

Русский националист

13 апреля 1962 г. я прибыл на зону, в исправительно-трудовое учреждение ЖХ 385/17 в поселке Озерный Мордовской АССР. По дороге Москва – Самара на мордовском перегоне есть станция Потьма. От этой станции почти перпендикулярно к основной магистрали проходит местная железная дорога Потьма – Барашево. От нее-то по обе стороны колеи, словно грозди виноградной ветви, расходятся лагеря. Все это называлось Дубравлагом или Дубравным Лагуправлением ГУЛАГа. В советские времена здесь находились и политические зоны: одиннадцатая (пос. Явас), седьмая (п. Сосновка), девятнадцатая (п. Лесной), десятая или особая зона (п. Ударный) и вот была семнадцатая в Озерном (10–12 км от Яваса, «столицы» Дубравлага). На 17-м, в сравнительно небольшом лагере (300–400 чел.) сидели одни «антисоветчики», т. е. осужденные по статье 70-й УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда»). Поступали сюда в то время по 2–3 чел. еженедельно со всего Советского Союза (только номер статьи Уголовного кодекса других союзных республик мог немного отличаться). Здесь встретил я ранее осужденного Мосгорсудом (5 мая 1959 г. к 6 годам лишения свободы) инженера и поэта Игоря Васильевича Авдеева (1934–1991), того самого, из-за связи с которым был арестован мой однокурсник А.М. Иванов. Авдеев был певцом террора. Он считал, что тоталитарный строй может быть низвергнут только путем целенаправленного систематического устранения руководителей государства. Воспевал народовольцев, Желябова, Перовскую: «Мы славим высшую смелость, КОМУ НЕЛЬЗЯ ПОМОЧЬ!» Того изуверства, когда стреляют, в кого попало и даже в невинных детей, как теперешние «гинекологи» типа Басаева, в романтической голове Игоря не было. Как-то мне пришел запрос с воли от моих соратников, просивших моего политического благословения на акцию «Космос» (или «Космонавт»), т. е. на реализацию похороненной в сентябре 1961 г. идеи теракта. Я на эту акцию добро не дал. Игорь Васильевич, узнав об этом, был крайне возмущен моим отказом: «Ребята рвутся в бой, а ты их удерживаешь. Оппортунист!» У него был друг Альгис Игнотавичюс, с которым они сошлись на этой идее. Помнится, 20 августа 1962 г. уже на другой зоне мы с Игорем вдвоем пили чай, отмечали заочное освобождение Альгиса (нас к тому времени разбросали и тот освободился, кажется, с семерки). Игорь Васильевич был как-то по-особому собран, напряжен и намекал мне, что скоро узнаем из газет о важном событии. Прошли годы, но в газетах об акции Игнотавичюса ничего не появилось. Гончаров назвал бы это «обыкновенной историей». Вышло так, что ни сам Игорь (освободился 9 декабря 1964 г.), ни Альгис, когда оказались на свободе, к террористической идее не возвращались: она согревала их только в зоне. Помню, как один зэк, освобождавшийся с другой зоны, специально приехал в Барашево к лагерю 3–5 и, дождавшись, когда мы шли угрюмой колонной из производственной зоны в жилую, громко прокричал всем: «Встретимся на баррикадах!»

Вообще психология зэков имеет свои особенности. В некотором смысле это мотив отложенного времени. Вот мы тут сидим, как в консервной банке, но дай только срок: освободимся – покажем! И, конечно, присутствует большое мнение о себе – наперекор государству, которое наказало, заклеямило, унизило и швырнуло тебя на самое дно общества. Это попытка своеобразного возмещения за то, что ты одет в бушлат с биркой (фамилия и номер отряда), острижен наголо, приговорен к принудительному труду, к казарме, к двухъярусной койке, к нормированному времени и т. д. Гордыня – нехристианское чувство, но, увы, тоже согревает. Когда я писал об этом в своей книжке «Дубравлаг», строгая православная цензура забраковала мою рукопись, как недостойную быть опубликованной в православном издательстве, где следует печатать исключительно высокодуховную и нравоучительную литературу. («Дубравлаг» был издан потом журналом «Наш современник» при поддержке И.С.Глазунова.) Достоевский точно отразил эту особую гордыню у каторжников. И еще: «Кто бы ни был каторжник и на

какой бы срок он ни был сослан, он решительно, инстинктивно не может принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное, за часть действительной жизни. Всякий каторжник чувствует, что он НЕ У СЕБЯ ДОМА, а как будто в гостях. На 20 лет он смотрит, как будто на 2 года, и совершенно уверен, что и в 55 лет по выходе из острога он будет такой же молодец, как и теперь, в 35. «Поживем еще!» – думает он...»¹⁵

Вот именно: «Поживем еще!» – это у Федора Михайловича рассчитывает обычный зэк, уголовник. А политический заключенный тем более видит момент освобождения как начало новой исключительно активной деятельности. Между прочим, Достоевский пишет, что каторга сама по себе не так уж и тяжела, что и работа каторжная вполне выносима. Но тяжесть ее в ПРИНУДИТЕЛЬНОСТИ и БЕСПРЕРЫВНОСТИ. Вот что давит больше всего. Классик прав также и в том, что заключенный ощущает себя в возрасте, в каком посажен, и почти таковым чувствует себя до конца срока. Я сам лично сел в 23 года и через 7 лет, освободившись в 30, чувствовал себя душевно почти двадцатитрехлетним. Мы много рассуждали на эту тему с Андреем Донатовичем Синявским. Тот, как мне показалось, мотив отложенной жизни не воспринимал, а полагал, что ВСЮДУ ЖИЗНЬ и что бытие за колючей проволокой – ТОЖЕ ЖИЗНЬ, просто в чем-то своеобразная.

Итак, в Озерном на 17-м тянули срока (в этот период сравнительно небольшие: по первому разу – до 7 лет) «антисоветчики». Было много украинцев. О них Игорь Авдеев сказал так: «Согласятся на любую Украину – коммунистическую, демократическую, фашистскую, лишь бы отдельно от России. Главное – обособиться от нас и доказать, что они – не мы, что они – другие». Столь же русофобски были настроены прибалты, с «колонизаторами» не общались, Альгису Игнотавичюсу за общение с нами литовцы объявили бойкот. «Наши» большей частью были марксисты-ревизионисты. Здесь оказались Лев Краснопевцев, Николай Обушенков и их поделщики. Были демократы, социал-демократы (Виктор Трофимов, Сергей Пирогов) и едва-едва прорезывались русские патриоты. Таковыми считали себя еще на воле Вячеслав Солонев и его соратники (Виктор Поленов, Юрий Пирогов и другие). Последние и осуждены были за интерес к фольклору, к русским корням, конечно, как бы в «антисоветской» упаковке. Осужденный за «анархо-коммунизм» (как близко к нашему «анархо-синдикализму»!) Юрий Тимофеевич Машков стал в лагере приверженцем русской идеи. Как и бывший социал-демократ из группы Трофимова Варсонофий Хайбулин, а также матрос Георгий Петухов.

В «Дубравлаге» я описывал «хипеш» или большой скандал с кавказцами после ссоры архангельского марксиста-ревизиониста Сергея Пирогова с одним чеченцем из «активистов». Сергей Пирогов в ответ на оскорбление со стороны чеченца сгоряча треснул его бутылкой по голове. Все кавказцы в зоне пришли в ярость, требуя извинения у нашего соратника, а тот извиняться перед «сукой» не стал. В зоне назревала большая потасовка между кавказцами, которым было наплевать, что их земляк – «активист», и русскими политзеками. Наш низкорослый больной поделщик Илья Бокштейн действительно явился к оппонентам с кирпичом в руке. Однако автор книги «Четвертое измерение» А.Шифрин (Франкфурт-на-Майне, 1973)¹⁶ почему-то все путает. Ни с какими «студентами-фашистами» из Ленинграда спора не было, как не было и таковых «фашистов». Ленинградская группа Виктора Трофимова и Бориса Пустынцева никогда в фашизме не подозревалась, это были типичные марксисты-ревизионисты, считавшие себя социал-демократами. Конфликт был с кавказцами, которые тоже «фашистами» не именовались, да и ссора не носила идеологического характера. Кавказцам предъявил Бокштейн свой ультиматум, а не «русским фашистам». Зачем наводить тень на плетень? К чему эти подтасовки? Как раз «шовинисты», которых очень хочется зацепить Шифрину, сочувствовали славянским демократам и готовы были в момент драки оказать помощь. Потом, кстати,

¹⁵ Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1956. С. 490.

¹⁶ См. сборник Л. Поликовской, с.352–353.

Илью Вениаминовича потянуло на тесное общение с «черносотенцами» (тогда едва зарождавшимися). Он часами беседовал с Юрием Машковым, с Кирьяновым, принял в зоне Православие. Недаром, перебравшись позднее в Израиль, опасался афишировать свое крещение. Как он сам рассказывал, его соплеменники плевались, проходя мимо, в его сторону. Были на Озерном и сионисты, которым в основном инкриминировали тогда тягу в буржуазный Израиль и намерение туда сигануть.

Хотя в те два с половиной месяца, что я пробыл на 17-м, я немного общался и с «шовинистами», но, будучи «анархо-синдикалистом» (хотя и ницшеанцем при этом) в тот период, попал в общеславянский круг «просто антисоветчиков». Тем более, что в этом кругу вращался тогда и наш старый знакомый И. В. Авдеев.

29 июня 1962 г. нас всех с Озерного раскидали по другим зонам. Я с Владиславом Ильяковым из Курска, Авдеевым, Садовниковым и др. попал на 11-ю зону, в пос. Явас, в большой лагерь на 2 тысячи зэков. Все вроде политические или, по советской терминологии, государственные преступники. При Хрущеве уже было раздельное содержание, с уголовниками вместе мы не сидели. Но собственно «антисоветчиков» на этой зоне было немного. Доминировали участники, чаще рядовые, вооруженного сопротивления советской власти: бандеровцы, «лесные братья» прибалтийских республик и коллаборационисты, служившие при немцах полицейскими, старостами, бургомистрами. Очень мало оставалось власовцев. Сидел здесь колоритный Ронжин со сроком 25 лет, советский офицер, сбежавший в ФРГ из Восточного Берлина, работавший на радио «Освобождение» («Свобода») и хитроумно вывезенный чекистами в ГДР, а также военный переводчик Иван Васильевич Овчинников со сходной судьбой. Были еще какие-то шпионы, которыми мы мало интересовались. Тянули срок два московских «чувака», которых обличала «Комсомольская правда», Рыбкин и Репников. Провинились за общение с янки. Было немного солдат, покинувших по разным причинам воинскую часть в ГДР и обвиненных в «измене Родине». Например, Виктор Семенов из Пятигорска был большой советский патриот. Из романтических фантазий решил уйти в ФРГ и там в рядах Коммунистической партии Германии, действовавшей, по его мнению вяло и робко, задать нужный тон в борьбе за социализм. Было ему 19 лет. Схвачен еще на социалистической территории (в ГДР) и обвинен не в самовольном оставлении воинской части, а в той самой «измене Родине». Следовательно не поверил в революционные намерения 19-летнего утописта, сварганил ему червонец. От звонка до звонка сидел этот Павка Корчагин за свое советское мировоззрение. Впрочем, в лагере это мировоззрение, естественно, поменялось на 180 градусов.

Через год, как я уже писал, вследствие пересмотра Мосгорсудом дела Осипова, как чересчур серьезного, с широким охватом граждан в свою сферу, 8 июля 1963 г. меня, Кузнецова и Бокштейна этапировали на спец, в лагерь особого режима. Там нам выдали полосатую робу, заперли по камерам, лишили прежних свиданий и посылок. Из камер выводили в рабочую зону, где мы не спеша сооружали кирпичное производственное здание.

Однажды я разговорился с одним эстонцем, «лесным братом» из Таллина, с 25-летним сроком. Он поведал мне в ярких красках рассказ об одном сражении на советско-финском фронте во время «незнаменитой», как сказал Твардовский, войны с Финляндией 1939–1940 гг. В лоб, на хорошо укрепленные доты и дзоты наступали советские солдаты. Финские пулеметчики косили их цепь за цепью. Вот полегла одна шеренга, другая, третья, четвертая... А солдаты прут и прут волна за волной. У пулеметчиков от раскаленного металла слезает кожа на ладонях, а красные командиры все гонят и гонят на убой крестьянскую молодежь из русской глубинки. Советы не применяют артиллерию, авиацию, танки, не пытаются обойти укрепленную полосу противника, а следуют одному-единственному правилу – бросать людей в лоб, во фронт, завалить трупами «белофиннов». Этот рассказ произвел на меня непередаваемое впечатление. Я оцепенел, онемел, сжался в комок. Невыразимая боль за русских ребят, за русский народ, за мое родное племя, за мою единственную и неповторимую нацию пронзила

меня насквозь. Горечь за мой народ, который никому не нужен и за который никто не болеет. В первую очередь не болеет власть, начальство. Я едва доковылял до жилой зоны, до своей камеры, плюхнулся на нары, но почти не спал эту главную ночь в моей жизни, ночь с 21 на 22 сентября 1963 года. Утром я проснулся русским националистом, каковым остаюсь и по сей день. И хотя Александр Орлов пишет обо мне периода «маяковки»: «националистом он был всегда»¹⁷, я же был тогда наполнен всякого рода «синдикализмом», нищезанятием, суперменством и прочими примесями. Теперь все эти примеси – по борту. Есть только русский народ и русское дело. Я понял, что отныне в жизни у меня ясная и точная цель – бороться за свой народ, защищать свою нацию. Те, кто не любит русских, – мои враги. Никакого так называемого шовинизма у меня нет и сегодня. Я люблю дружественные нам нации (например, сербов, абхазов, осетин) и не трачу время на тех, кто не любит нас. Мне некогда о них думать, ибо забота о недругах отнимает время от русской заботы. Я понял также, что именно русофобы клеймят изо всей мочи «русский национализм». Всех устраивает национализм эстонский, литовский, польский, грузинский, британский, еврейский и какой угодно. Не устраивает только русский. Н.Я.Данилевский приводит высказывание одного европейца: «Взгляните на карту, разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своею массою, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?»¹⁸ Но когда эта «туча» реально угрожала Европе? «Все войны до Петра велись Россией за собственное существование, – за то, что в несчастные времена ее истории было отторгнуто ее соседями». А войны, например, начала XIX века велись не за русские, а за европейские интересы, Россия «с достойным всякого удивления героизмом приносила жертвы на алтарь Европы»¹⁹. Прозорливец Достоевский отметил, что их, людей Запада, «смущает теперь и страшит, в образе России, скорее нечто правдивое, нечто слишком уж бескорыстное, честное, гнушающееся и захватом и взяткой». И «этот взгляд на неподкупность внешней политики России и на вечное служение ее общечеловеческим интересам даже в ущерб себе оправдывается историей. . . В этом наша особенность сравнительно со всей Европой»²⁰. Только в XX веке, единственный раз за всю историю вывернутая наизнанку и даже переименованная Россия в лице СССР навязала марксизм Восточной Европе. Впрочем, почти с согласия своих военных союзников США и Великобритании. Но ведь экспортировали не свою исконную идеологию, а европейскую. В ГДР страшно гордились, что Маркс и Энгельс вернулись на немецкую землю. А самой России от этого что-нибудь обломилось? Ничего абсолютно. Еще Ленин и Троцкий готовы были сжечь Россию на костре мировой революции. А вот во все предыдущие века, когда наши цари следовали национальным интересам, Россия НИКОМУ не угрожала.

Либеральный министр Швыдкой докатился до того, что даже «немецкий фашизм», которому антифашисты вменяют в вину ликвидацию аж 6 миллионов его же, Швыдкого, соплеменников, оказывается «лучше», чем «русский фашизм», виртуальный и голословный. Фашизм, которого нет. В данном случае коричневый ярлык камуфлирует, маскирует ненависть к русскому народу и к русской культуре. Недаром его хунвэйбиновские, большевистские шоу именуются «культурной революцией». Попробовал бы он в Израиле произвести революцию в иудаизме, в иудейской культуре! А здесь можно. Здесь «аборигены» помалкивают. Т. е. мы пишем, конечно, протесты, публикуемые в «Завтра» или в «Русском Вестнике», но от этих протестов властям ни жарко, ни холодно. Так же, как мэр Лужков в упор не видит наших многолетних стояний и шествий за переименование станции метро «Войковская», названной в честь мародера, изувера и царевубийцы. Потому что и власть против русских. С троцкистским идейным

¹⁷ Сб. Л. Поликовской, с. Л 60.

¹⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 18.

¹⁹ Там же, с. 32.

²⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1989. С. 402.

наследием в либеральной упаковке. Сегодня Ельцин и Кох, Черномырдин и Чубайс не любят русских с не меньшей страстью, чем Маркс, Энгельс, Ленин и Троцкий.

Став националистом, я довольно быстро осознал себя и монархистом. Понял, что только православная монархия может быть твердой опорой и защитой русского народа. Монархи могут иметь минусы, но даже при минусах монархия несопоставимо лучше республики, где правит мафия. Республика в своей неумолимой реальности – это власть мафии, господство теневого мира. Масоны и евреи клеветали на друга Августейшей Семьи Григория Ефимовича Распутина именно в том плане, что прозрачная власть Николая Второго, как и любого другого русского Царя, становилась якобы непрозрачной. Распутин давал иногда полезные советы, но он никогда не влиял на Государя – это теперь доказано документально. Власть Самодержца Николая Второго была столь же ясна и прозрачна, как и власть Александра Третьего, Николая Первого, Павла Первого, Екатерины Второй. А вот республика всегда непрозрачна. Исключения могут составить крошечные республики, как древнегреческие полисы или нынешняя Исландия, население которой могло бы уместиться на двух больших стадионах. Но там, где граждан не соберешь на площади, как в Афинах, в республике чаще всего правят темные лошадки. Республика – лучшая форма правления для тайных масонских лож. Вот почему я стал и монархистом. Позднее монархические убеждения еще более окрепли, когда я осознал в полной мере богоустановленность монархической власти, единственно законной, единственно легитимной на планете. Как я уже сказал, в 23 года, под следствием, на Лубянке (я был одним из последних сидельцев на Лубянке, позже всех политических содержали в Лефортово) я вернулся к той вере, какой с детства научила меня моя бабушка, крестьянка из деревни Рыжиково, Скворцова Прасковья Егоровна. Рука нищезанца отяжелела, как гиря, когда я решился перекреститься в первый раз. Я едва ее поднял вверх. Конечно, стать воцерковленным верующим в зоне трудно хотя бы потому, что здесь нет храма. Но как мог и как меня научили православные священники или дьяконы в лагере, молился. Взгляды, оформившиеся в 1963–1964 гг., я разделяю и по сей день: Православие – Самодержавие – Народность. Я исповедую христианский национализм в духе учения выдающегося русского мыслителя И.А. Ильина. Так, как оно изложено в его классической работе «Путь духовного обновления»: «Проблема истинного национализма разрешима только в связи с духовным пониманием родины: ибо национализм есть любовь к духу своего народа и притом именно к его духовному своеобразиею»²¹. Надо принять, считает философ, русский язык, русскую историю, русское государство, русскую песню, русское правосознание, русское историческое мирозерцание и т. д. – как свои собственные. И далее: «Что бы ни случилось с моим народом, я знаю верою и ведением, любовью и волею, живым опытом и победами прошлого, что МОЙ НАРОД НЕ ПОКИНУТ БОГОМ, что дни падения преходящи, а духовные достижения вечны...»²² Но любить свой народ не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно высказывать их и неутомимо бороться с ними. Сегодня, например, два больших греха лежат на русском народе: грех алкоголизма и грех убийства младенцев во чреве матери (до 5 миллионов человек в год). Об этом надо говорить во весь голос, отнюдь не переставая любить свой народ, не забывая, что во многих иных отношениях он имеет несопоставимые с другими достоинства, а названные грехи искоренять любым способом. Ильин считает, что глубокий, духовно верный и творческий русский национализм надо прививать людям с раннего детства. В семье должен царить культ родного

ЯЗЫКА. Учить чужим языкам не следует до тех пор, пока русский ребенок не заговорит связно и бегло на своем национальном языке. Важно чаще читать в семье вслух Св. Писания, по возможности на церковно-славянском языке, и русских классиков. Русскую ПЕСНЮ

²¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 196.

²² Там же, с. 197.

ребенок должен слушать в колыбели. «Русская песня глубока, как человеческое страдание, искренна, как молитва, сладостна, как любовь и утешение. В наши черные дни, как под игом татар, она даст детской душе исход из грозящего озлобления и каменения»²³. Иван Александрович придает огромное значение созданию по всей стране детских хоров, церковных и светских. «Хоровое пение национализирует и организует жизнь – оно приучает человека свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении»²⁴. Ребенка следует учить МОЛИТВЕ, которая даст ему духовную гармонию и источник духовной силы – русской силы, а также приобщать к русским СКАЗКАМ, дающим первое чувство героического. «Национальное воспитание неполно без национальной сказки»²⁵. Очень важны для воспитания ребенка ЖИТИЯ СВЯТЫХ И ГЕРОЕВ, образы национальной святости и национальной доблести. «Образы святости пробудят его совесть, а русскость святого вызовет в нем чувство соучастия в святых делах, чувство приобщенности, отождествления, она даст его сердцу радостную и гордую уверенность, что «наш народ оправдался перед лицом Божиим», что алтари его святы и что он имеет право на почетное место в мировой истории («народная гордость»)»²⁶. СТИХИ таят в себе благодатно-магическую силу, и русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, полагает Ильин, никогда не денационализируется. Наконец, крайне важно знание русской ИСТОРИИ, величавой и трагической, которая учит духовному преемству и сыновней верности. «АРМИЯ есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины, воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения – вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем»²⁷. Для меня лично нет сомнения, что так называемая дедовщина в армии сознательно поощряется врагами народа. Вместо того, чтобы воспитывать в молодых людях любовь к родине и готовность отдать за нее жизнь, начальство, благословляя разгул неуставных отношений, поощряет самые низменные рефлексы, выколачивая из души солдата возвышенное и героическое. Наличие этой мерзости в армии – самое наглядное доказательство отсутствия национального самосознания у наших руководителей, отсутствия любви к своему народу. Ильин считает также, что ребенок «должен почувствовать, что русская национальная ТЕРРИТОРИЯ добыта кровью и трудом, волею и духом, что она не только завоевана и заселена, но что она уже освоена и еще недостаточно освоена русским народом. Национальная территория... есть... духовное пастбище народа, его творческое задание, его живое обетование, жилище его грядущих поколений»²⁸ (с. 207). Русский националист, на мой взгляд, должен быть непримирим к любой попытке отсечь русское жизненное пространство в пользу чужеземцев. Будучи монархистом и весьма почитая Императора Александра Второго за его блестящие территориальные присоединения в Средней Азии, я тем не менее не могу не выразить чувства горечи в связи с продажей (практически за бесценок) Аляски масонскому режиму США. Ни одна пядь земли под омофором Православной Веры не должна быть уступлена никому. Впредь мы должны считать это законом, которому должен следовать любой монарх, любой правитель. Что касается беловежского злодеяния, совершенного в декабре 1991 г. тремя партократами, то это преступление не имеет срока давности и при первой возможности должно получить правовую оценку. Февральские беспорядки в Петрограде в феврале 1917 г. и потакание им со стороны либералов, включая изменников в армии, абсолютно нелегитимны. Российская империя поэтому де-юре продолжала существовать до 1991 года и продолжает существовать по сей день. Но даже если придерживаться советского

²³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 203.

²⁴ Там же, с. 203–204.

²⁵ Там же, с. 204.

²⁶ Там же, с. 205.

²⁷ Там же, с. 207.

²⁸ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 207.

права, то и оно было попорано дважды: нарушением народного волеизъявления на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. и закона 1990 г. «О процедуре выхода союзной республики из СССР».

Последний, десятый пункт программы Ильина «О национальном воспитании» посвящен пробуждению склонности в русском ребенке к труду, пробуждению живого интереса к русскому национальному богатству как источнику духовной независимости и духовного расцвета русского народа.

А это означает «заложить в нем основы духовной почвенности и хозяйственного патриотизма»²⁹. В любой сфере, в т. ч. сугубо экономической, человек должен быть прежде всего патриотом своей Родины и националистом.

Столь же блестящую оценку христианского национализма И.А. Ильин дает в другой своей работе «Основы христианской культуры»: «Национальное чувство не только не противоречит христианству, но получает от него свой высший смысл и основание, ибо оно создает единение людей в ДУХЕ и ЛЮБВИ и прикрепляет сердца к высшему на земле – к дарам СВЯТОГО ДУХА, даруемым каждому народу и по-своему претворяемым каждым из них в истории и в культурном творчестве... и национализм подлежит не осуждению, а радостному и творческому приятию».³⁰

Христианство подарило миру идею личной, бессмертной души, т. е. идею метафизического своеобразия человека. «Согласно этому – идея метафизического своеобразия народа есть лишь верное и последовательное развитие христианского понимания»³¹. «Христианский национализм есть восторг от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия»³². Когда недруги начинают вопить о ксенофобии националистов, то им следует напомнить, пишет Ильин, что извратить можно все, любовь, искусство, суд, политику, даже молитву, злоупотреблять можно гимнастикой, ядом, свободой, властью, знанием. Что же, все перечисленное надо запретить из-за того, что кто-то этим злоупотребляет? «При верном понимании национализма – религиозное чувство и национальное чувство не отрываются одно от другого и не противостоят друг другу, но сливаются и образуют некое жизненное творческое единство, из которого и в лоне которого вырастает национальная культура»³³. Именно религиозное измерение «научает христианского националиста безусловной преданности и безусловной верности, и оно же научает его сверхнациональному созерцанию человеческой вселенной и вселенскому братству людей»³⁴. Нас берут на испуг, когда пугают словом «национализм». А ведь национализм всего-навсего – это любовь к ближнему. Любви к ближнему учит нас Иисус Христос. Ближние – это семья, родители, дети, другие родственники, это друзья, знакомые, соратники, коллеги, и так круг расширяется, обнимая весь русский народ. Но русофобы ненавидят русских и они хотят и требуют, чтобы русские не любили русских. Вот загадка всех обвинений нас в «национализме». Они не хотят, чтобы мы любили друг друга. Чтоб мы все были разрознены, атомизированы, дистанцированы друг от друга. Чтобы мы все жили по принципу: «Моя хата с краю» или по столь популярному в рыночные времена правилу: «Это ваши проблемы». Они чают разъединения, недоверия, дробления, раскола, вражды. Вот когда человек не националист, т. е. не любит никого вокруг, а только себя, это супостатов устраивает. Телевизионные передачи только и смакуют кровь и ненависть, порок и предательство. Вместо нации и народа – только жующая и плюющая биомасса. Таков «идеал» сынов погибели. Считаю, что мы

²⁹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 208.

³⁰ Там же, с. 323–324.

³¹ Там же, с. 325.

³² Там же, с. 326.

³³ Там же, с. 327–328.

³⁴ Там же, с. 328.

не должны стыдиться любви к своему народу. Не след стыдиться национализма. Ибо – повторяю: национализм – это только любовь к своим ближним, к своей нации. И ничего более. Тем более, что русский национализм – самый «интернациональный». Еще Достоевский обозначил всемирную отзывчивость русского человека как нашу национальную особенность. Мы одинаково хорошо способны понять и англичанина, и немца, и француза, вообще любую нацию. Наш национализм – самый любвеобильный, самый отзывчивый на чужие горести. Иудеи, большевики и либералы называли Россию «тюрьмой народов». Возражая им, В. В. Кожин назвал в порядке полемики Европу «кладбищем народов». Вот уж поистине, сколько иных этносов погребено в могилах, стерто с лица земли воинственными романо-германскими племенами. Мы же никого не уничтожили, а, наоборот, жили со всеми в мире и согласии. 120 с лишним народов, живущих на русском поле, – тому свидетельство. Да если бы мы были иными, разве допустили бы иммиграцию (большей частью незаконную и в немалой степени – криминальную) двух миллионов одних только азербайджанцев в Москве и Подмосковье, сотен тысяч других чужеземных и чужеродных этносов?

К сожалению, полтора века господства космополитической масонской идеологии в русском образованном сословии, 70 лет иудео-большевистского «интернационализма» и 15 лет демократического космополитизма заметно выветрили в русском народе патриотические чувства. Во время войн, иностранных нашествий эти чувства просыпаются. Однако затем тонут в душевных глубинах. М. О.Меньшиков с горечью писал: «Отсутствие патриотизма равносильно отсутствию самого народа. Сказать страшно, но ведь в самом деле народ как будто отсутствует в России, и, может быть, в этом основной корень наших бед. Непатриотический народ не есть нация, не есть политическая единица». Михаил Осипович обозначил национализм как «доведенную до инстинкта верность своему народу».

Дубравлаг

В конце января 1964 г. наши адвокаты в Москве добились-таки пересмотра дела и смягчения лагерного режима. Особый был заменен, наконец, строгим режимом. Мы вернулись в обычную зону, где не запирают на замок в камере, а разрешают свободно ходить по зоне до 10 часов вечера, до отбоя. Вроде пустяки, но и они тоже много значат. На 11-й зоне, куда меня вернули, я работал в аварийной бригаде: разгружал днем и ночью, когда приходил товарный состав, вагоны со щебнем, бревнами, углем, цементом, пиломатериалом, лаком и т. д. При возвращении сюда я обнаружил, что в это же самое время, когда я был на спецу, и у моих друзей Владислава Ильякова и Игоря Авдеева тоже произошел идейный поворот к русскому национализму. Я расценил это как Божий промысел. Они зачитывались в эти месяцы воспоминаниями В. В.Шульгина, когда-то изданными советским издательством. Тогда мы еще не осознали всей глубины измены и самого Шульгина, и большинства депутатов Государственной Думы, и у считавшегося националистом Василия Витальевича воспринимали только его патриотические суждения.

Ира Мотобрицевца

Политэки – большие мечтатели. В нашем кругу с моей подачи был настоящий культ одной молодой москвички Иры Мотобрицевой. Я рассказал друзьям, как стерильно благо-родно она вела себя на следствии. Не сказала ничего. Я читал протокол допроса и восторгался ее поведением. «Ну, как же, – припирает ее следователь Поляков, – Осипов клеймил Великую Октябрьскую революцию как фашистский путч. Вы стояли рядом и ничего не слышали?» (К тому же мы и митинговали в ту ночь на ее квартире). – «Значит, я в этот момент выходила на кухню. Я ничего не слышала!» Мы чокались кружками с чаем (или кофе) и провозглашали тост «За Иру Мотобрицеву!» Тем более, что по тому же эпизоду несколько парней позорно докла-дывали чекистам о каждом «криминальном» слове. Люди иной раз похожи на несчастных кро-ликов перед удавом. Как раз в это время Игорь Васильевич Авдеев изучил дело декабристов. На фоне сплошных оговоров и посадочных показаний Рылеева и прочих «героев» попытки государственного переворота 14 декабря 1825 года против законной монархической власти выделялись 3 человека: Пущин, Якушкин и никому неизвестный поручик Цебриков. Послед-ний не дал вообще никаких показаний ни о ком. Ему, единственному, Государь не уменьшил наказание, как всем, а увеличил. Разумеется, все декабристы – преступники и агенты между-народного масонства. Но в данном случае мы как бы выносили за скобки их политические взгляды и ценили сугубо нравственную позицию. И рядом с Цебриковым чтители Иру. Прошли годы. Я освободился после первого срока. Нашел ее через справочное бюро. Приехал, чтобы поблагодарить ее за стойкость на следствии. Ира Мотобрицевца вышла на звонок, услышала мою фамилию и замотала головой: «Нет, нет, я не хочу ни о чем говорить» и закрыла дверь. Большие мечтатели политэки.

Через полгода лагерное начальство снова отделило «антисоветчиков» от «полицеев» и этапировало нас в Барашево, на 3-ю зону. Дело в том, что на 7-й зоне (п. Сосновка) тамош-нему замполиту удалось «перевоспитать» некоторое количество лиц, сидящих по 70-й статье. Им разрешали переписку с «заочницами» (женщина с воли, с которой зек знакомится заочно) и даже личное трехсуточное свидание с ними в обмен на публичное раскаяние в антисовет-ской деятельности по внутрилагерному радио и в лагерной многотиражке «За отличный труд». Этот метод чекистам понравился, и они надеялись, соединив «покаянщиков» («сук») седь-мой зоны с упрямыми «бузотерами» (чекистский жаргон) 11-й зоны, повлиять «исправивши-мися» на «фанатиков». На деле вышло все наоборот. Особенно показателен был массовый отказ от работы в запретной зоне, т. е. в полосе между деревянным забором и оградой из колю-чей проволоки. Эту полосу периодически рыхлят, чтобы оставался след зека в случае побега. Любая работа в запретной зоне (рыхление бровки, натягивание проволоки, покраска забора и т. д.) категорически осуждалась неписанным моральным кодексом заключенных. В запретке не работали воры «в законе» и политические, во всяком случае те из политических, кто хотел сохранить свое достоинство. 20 августа 1964 г. целую бригаду (человек 15–18) бросили на этот участок. И все отказались. Явился начальник лагеря, уговаривал, просил, потом перешел на угрозы, стал спрашивать каждого в упор: «Вы будете работать здесь?» Кто-то ссылался на стадный инстинкт: «Если все будут, то и я буду». Нет, хозяин требовал немедленного четкого ответа здесь и сейчас. И тогда: «Нет, не буду». Никто не хотел публично унижить себя перед остальными, в т. ч. и покаянщики с семерки. Заводил, включая меня, бросили в штрафной изолятор, остальных лишили ларьков (права отовариться в ларьке продуктами на 5 рублей в месяц) и свиданий. Тем более свиданий с «заочницами».

Пока нас пытались перековать в Барашево, Политбюро организовало заговор против сво-его вождя, и 14 октября неистовый враг религии был свергнут. «Лицом к лицу лица не уви-дать». Тогда, в зоне, мы не почувствовали перемен. Наоборот, в каких-то частностях даже

стало хуже. Например, при водворении зека в штрафной изолятор при Хрущеве на ночь разрешали брать в камеру бушлат – все-таки с ним теплее. А при Брежневе бушлат отобрали. Сиди и мерзни от ночного холода в камере без бушлата. Где, разумеется, никакой постели нет. Откидная железная койка, и на тебе простая хлопчатобумажная куртка и штаны плюс трусы и майка. Теплые кальсоны и теплую нижнюю рубашку носить летом в штрафном изоляторе было «не положено».

Однако в большой политике произошли некоторые изменения. Так грубо и остервенело, как при Хрущеве, верующих уже не репрессировали. «Антирелигиозные законы» не были отменены, и кого-то по инерции арестовывали, но, повторяю, реже и не так остервенело. Храмы сносить в общем перестали. Как отмечает в своем исследовании «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве» (Москва, 2000 г.) М. В.Шкаровский, в 1961–1964 гг. было осуждено по политическим мотивам 1234 человека. Многих отправили в лагеря, ссылки, на поселения (с. 382). Но «падению Н.Хрущева сопутствовало почти немедленное смягчение антицерковных нападков» (с. 389). А в январе 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Много осужденных мирян и священнослужителей было освобождено и реабилитировано» (с. 390). А из книги Александра Байгушева «Русская партия внутри КПСС» (Москва, 2005) я узнал о целенаправленной брежневской политике балансирования между евреями и русофилами в советской номенклатуре. Я-то думал, что такая особенность получилась как бы случайно. Оказывается, нет, Брежнев сознательно проводил такой курс, курс «двуглавого орла», основанный на «соперничестве-противостоянии двух теневых партий внутри Большого дома и по всей стране», «прогрессивной», «демократической», на деле прозападной иудейской, с одной стороны, и «консервативной», «имперской», державно-почвенной, равнодушной к «интернационализму», «черносотенной» русской партии внутри КПСС, с другой стороны. «Немного не по Ленину, но гибко... Свою модель правления ТАЙНО (! – В. О.), только среди самых-самых своих, Второй Ильич так и назвал «политикой двуглавого орла»³⁵. При Хрущеве, например, И.С.Глазунов подтолкнул своего друга баснописца Сергея Михалкова передать в руки вождя письмо от русской интеллигенции с просьбой открыть общество охраны памятников. Старый троцкист взбесился: «Людям жрать нечего, а вы с памятниками суетесь!», порвал письмо и наорал на поэта. Последний посетовал Илье Сергеевичу: «Ты меня до инфаркта доведешь». А вот Брежнев без крика и шума подобную просьбу русской интеллигенции (в т. ч. неутомимого Глазунова) уважил: общество охраны памятников разрешил. И что особенно существенно: Брежнев ПОПУСТИТЕЛЬСТВОВАЛ легальному русофильству в журнале «Молодая гвардия». Кожинов, Лобанов, Семанов, Чалмаев, Палиевский, О.Михайлов, Д.Жуков именно здесь печатали свои далеко не конформистские работы. Брежнев считал: если у еврейских либералов есть свой орган – «Новый мир», то пусть и у русофилов будет – «Молодая гвардия». Кстати, Галина Брежнева доверительно призналась Байгушеву, что байку о Виктории Петровне, что та якобы из выкрестов, они сами распустили, чтобы завоевать симпатии еврейской элиты. Никаких корней подобного рода у жены Брежнева не было, но недостовверный слух смягчал иудейский накат. Силен революционный этнос: даже вожди тоталитарного государства его побаивались. С той же целью Брежнев демонстративно полюбил Кобзона, на непопулярную должность председателя КГБ поставил Файнштейна-Андропова. Помню, как крещеный московский сионист М.Агурский называл КГБ «оазисом в этом азиатском мраке».

1965 год я провел на семерке, в такой же большой зоне (на 2000 чел.), что и 11-я. Там подружился с бывшим солдатом В.Семеновым и поэтом Л.Ситко (видел недавно его сборник в киоске «Экспресс-хроники»). Там познакомился с замечательным русским поэтом Валентином Зека (В.П.Соколовым).

³⁵ Байгушев А. Указ. соч. С. 214.

Слово о Валентине ЗК

О Валентине ЗК осужденный «антисоветчик» узнавал сразу по прибытии в зону. Ни один пишущий не питал к нему ни малейшей зависти – все дружно признавали Валька «королем поэтов» ГУЛАГа. А поскольку авторитетом для нас служил мир по ЭТУ сторону проволоки, то Валентин Петрович Соколов, он же – Валентин ЗК, был для нас первым поэтом России. Лично я познакомился с ним в декабре 1964 года, по прибытии на «семерку», т. е. в ИТУ ЖХ 385/7 (поселок Сосновка, Мордовская АССР). Здесь, в компании лагерных интеллектуалов Леонида Ситко, Бориса Сосновского, Анатолия Радыгина, за кружкой чая, мы слушали немного хрипловатый голос Петровича: «Стреляйте красных. Их кровь целебна. Пройдусь пожаром по красным семьям. Стреляйте красных. Это – волки». Стихотворение «Стреляйте красных» было единственным в этом роде, именно им щеголяли чекисты, оправдывая пожизненное заключение Соколова. Но это был крик души, вопль отчаяния, протест годами терзаемого мученика. И это был как бы упрек «красным» и «сытым»: вы же настоящие волки, когда же вы станете людьми? Ведь вот теперь никто из тогдашних слушателей отнюдь не помышляет о мести, о расправе над прежними палачами. И, наоборот, певец коммунизма Роберт Рождественский совместно с гонителями Солженицына Ананьевым и Рекемчуком действительно взалкали крови, и уже не иносказательно, не в стихах, а в прямом обращении к исполнительной власти потребовали – добить «тупых негодяев», «краснокоричневых», закрыть печать ненавистных аборигенов. Валентин Соколов по своим взглядам был демократ. Демократами стали и вышепоименованные попугаи КПСС. Однако при всей словесной близости их разделяет пропасть. «Сытые»живутся при любом режиме, всегда вовремя сменяют кожу, чтобы остаться на плаву.

О, столетье!
Был я битым.
Был я отдан, о столетье,
В лапы сытым.

И доживи Соколов до наших дней, он, при всей своей платонической любви к западной демократии, был бы душой с теми, кого в октябре 1993 года выносили из парламента и кого определяли по стоптаным подошвам дешевых ботинок. Меняется идеологическая окраска, но неизменно вечное противостояние сытых «с душою обмороженной» и кандидатов в карцер.

«Не хотите пресмыкаться —
Значит, карцер,
Всем, кто любит бесноваться,
Тесный карцер,
Знает каждый, сердцем честный,
Карцер тесный».

Помню столкновение поэта, только что прибывшего в очередное исправительно-трудовое учреждение (ЖХ 385-11), с начальником ИТУ, спесивым самодуром Барониным. «А ты действительно барон!» – громко сказал Соколов, когда «хозяин» осматривал новоприбывших при общем «шмоне» (обыске). Красный барон мгновенно отправил Валентина в ШИЗО (штрафной изолятор). И вот, листая вышедший в иную эпоху сборник Соколова ЗК «Глоток озона», я сразу вспомнил Явас, одиннадцатую зону и крутого бериевца:

Тебе, барон, дадут батон

И на батон – повидло,
А нам, баранам, срок и стон,
И крик: «Работай, быдло!»

Наиболее тесные отношения у меня с Соколовым сложились на «религиозной» зоне ЖХ 385-7-1, тоже поселок Сосновка, только через дорогу от большой «семерки». Здесь сидели баптисты, иеговисты, пятидесятники, истинно православные, просто православные – и сюда, чтобы оторвать от основной массы политических, администрация Дубравлага как-то решила определить и наиболее «трудновоспитуемых», «оказывающих вредное влияние». Это были весна и лето 1966 года. На протяжении нескольких месяцев пили чай вчетвером после работы и ужина (ложки пшенной каши с ломтиком рыбы): Соколов, Синявский, я и один немного приклатненный «мужик» (т. е. не «вор в законе», но сидевший в прошлом по уголовной статье). За кружкой крепкого чая обсуждали все мировые и отечественные проблемы, а потом на оставшиеся до отбоя 2–3 часа разбегались по баракам: Синявский – писать свой опус о Пушкине, я – конспектировать Ключевского, а Соколов – писать стихи. Творил он постоянно, изо дня в день. Чекисты периодически изымали написанное, он вновь переписывал изъятое в тетрадь, помня почти все наизусть.

Нам разбить не дано немоту,
Словно клетку – птахе.
Друг Синявский, подсини красноту
До багрового страха.

Но через год на 11-й зоне Валентин и Андрей Донатович больше не общались... До Соколова дошли какие-то публикации Синявского в официальной советской периодике, и Валентин Петрович стал его сторониться: мол, советский по сути. Бескомпромиссен был поэт неволи. При всех «западнических» политических устремлениях Соколов пронес чувство к Родине через все запреты и тюрьмы:

Здравствуй, матушка Россия,
Я люблю тебя до слез.

И еще:

Твоим сыном честным, чистым
Дай мне встретить этот выстрел.

Два качества в Соколове я бы выделил в первую очередь: честность и нежность души. Понятие о чистоте, благородстве, тонкости, о нежности в самом возвышенном смысле этого слова у нас, увы, утрачено и забыто после десятилетий «пролетарской», а ныне – криминально-мафиозной диктатуры. Нередко встречаешь поэтов, выросших среди комфорта и уюта, питавшихся всегда сардельками, как говорил Валек, и при этом сочиняющих грубые, циничные строки, почти на матерном уровне. Но вот Валентин ЗК, знавший всю горечь бытия, выдавший последнее человеческое отребье – и сохранивший всю чистоту и НЕЖНОСТЬ сердца. Его стихи, посвященные любимой женщине, по духовной напряженности сопоставимы, на мой взгляд, лишь с Фетом:

Неправда, что только одна
Луна у чарующей ночи,

Что может иначе литься
Волос твоих чудных волна,
Что можно мне не молиться,
Твои обнимая плечи,
Что можно касаться не плача
Души твоей нежного дна.

Сегодня, когда скотское отношение к женщине легализовано компрадорским режимом, пощечиной этому режиму и его сексуальной революции выглядят такие строки узника мордовских политлагерей:

Если женщину берут на час,
Если сердце ее жгут в ночах,
То ложится этот грех
На всех...

Собственно «антисоветских» стихов у Соколова было не так уж и много. Но именно за них получал свой срок обладатель ранимой и трепетной души, певец чести и жалости, христианин, оставшийся верным своему Учителю до конца. Первые 8 лет (1948–1956 гг.) Соколов провел на Севере, в одной зоне с уголовниками – товарищ Сталин держал всех вместе. Два года затем он пробыл на «воле», в Новошахтинске, работая на шахте. Затем 10 лет (1958–1968 гг.) – в политлагерях

Мордовии. Когда ему дали третий срок – 5 лет за «хулиганство» (он поспорил с заведующим клубом по поводу коммунистических лозунгов), я написал Подгорному, протестуя, прося и угрожая «мировой общественностью». Помогло ли мое вмешательство, не уверен, но во всяком случае Ростовский областной суд «скостил» ему срок с 5 лет до одного года. Вот этот один год уголовной зоны в 70-е годы стоил для Валентина Петровича прежних восемнадцати – это его буквальные слова из письма мне после освобождения. Я знаю по многочисленным свидетельствам, что уголовные лагеря 70–90-х годов XX века – это торжество беспредела, где нет даже «воровских законов», где правит Хам в последней ипостаси. Потом мне пришлось самому «загудеть» вторично, и я потерял Соколова из вида. Он умер в спецсхбольнице 7 ноября 1982 года, когда я досиживал последний месяц второго срока.

К Соколову тянулись все узники, независимо от политических и духовных воззрений. Он как бы олицетворял всех нас. Это был голос отверженных, голос ГУЛАГа. И еще это был большой русский поэт. Поэт именем Божиим.

В июне 1995 года вместе с Леонидом Бородиным мы ездили в Новошахтинск на открытие памятника В.П.Соколову на местном кладбище, где покоятся его останки.

* * *

На седьмую зону приезжали чекисты из Москвы. Пытались взять у меня показания против философа Померанца. В 1959 году Григорий Соломонович читал мне и А. И. Иванову (Рахметову) лекции о советском режиме, на довольно высоком уровне. На следствии 1961 г. я отказался подтвердить показания второго слушателя об этих беседах. Теперь чекисты, видимо, надеялись, что если уж я стал «черносотенцем», то дам против еврея посадочные показания. Плохо думал КГБ о морали русских националистов. С чем приехали – с тем и уехали. «Я тогда не вспомнил! Вы хотите, чтобы через четыре года, здесь, за колючей проволокой, я вспомнил?» Еще на семерку приезжал Евгений Иванович Дивнич, в прошлом один из руководителей НТС, вставший в лагере на «путь исправления», раскаявшийся и помогавший чекистам в их

«воспитательной» работе. Мне рассказывали, что он написал книгу против НТС, гебисты ее издали и давали читать бывшим «антисоветчикам» в здании госбезопасности, без выноса этой лояльной книги вовне. Обличения, как говорят, касались личной морали энтээсовцев. Дивнич выступал по внутрилагерному радио. Ходишь по стадиону и хочешь – не хочешь слушаешь воспитателя: «Я призываю всех разоружиться. Советская власть крепка как никогда!» Между тем один ставропольский партляйтер (конкретно – заведующий отделом партийных органов крайкома КПСС), с большим пятном, похожим на Курильские острова, думал иначе, чем Дивнич, и все перевернул, вопреки Евгению Ивановичу. Позднее, в эпоху «Вече», некоторые мои недоброжелатели (Репников, Сычев и др.) ставили почему-то мне в пример именно Дивнича, уважительно упомянув его персону в своем «заявлении».

С 7-го лагпункта под новый 1966 год меня в составе большого этапа вернули на 11-ую зону, где я пробыл однако неполные 2 месяца. 23 февраля 1966 г. меня одного-единственного этапировали обратно на Сосновку, только не в лагерь № 7, а в соседний небольшой лагпункт № 7–1. Это была «религиозная» зона. Как я уже сказал, здесь в основном отбывали срок верующие, отловленные в период второго остервенелого похода на религию при Хрущеве. Православные, истинно православные, баптисты-инициативники, иеговисты, расколовшиеся на два толка, пятидесятники и прочие из более мелких сект. К тому времени чекисты, видимо, определились со мной, решив, что я стал законченным и «неисправимым» «мракобесом». Кроме того, именно в начале 1966 года я отправил с 11-й зоны заявление в Верховный Суд РСФСР о непризнании себя виновным по сфабрикованному делу и отказу от всех показаний (т. е. против себя лично, показаний о других я не давал). Это тоже могло обозлить красных воспитателей. Позже сюда добавили прибывшего с воли писателя А.Д.Синявского и поэта В.П.Соколова. Получилось так, что мы вместе пили чай после ужина с марта – апреля до декабря 1966 г. Синявский прибыл, кажется, 6 марта. Я сразу спросил знаменитого отщепенца по поводу его русофобских высказываний, о которых писали газеты. Донатыч отрекся: «Газеты клеветуют. Ничего русофобского я не писал». В нем сочеталась упорная неприязнь ко всему советскому, в т. ч. и к большинству советских литературоведов, с глубоким пониманием некоторых явлений. Так, мы сошлись с ним в одинаково отрицательной оценке пресловутого Возрождения, как антихристианского, бесовского натиска на культуру и религию. Горько, конечно, слышать о кощунственном отношении Синявского к Пушкину, Гоголю, другим великанам русской литературы, о его нападках на Солженицына за почвенное мировоззрение. Но хочу быть объективным: было в нем и другое начало. Осенью 1993 года он занял твердую принципиальную позицию, осудив Ельцина за государственный переворот и расстрел парламента. Он сделал это наперекор своим же еврейским единомышленникам. Вместе с Владимиром Максимовым пошел против течения и заслужил поношение и улюлюканье со стороны либералов, поддержавших банду приватизаторов, включая 43-х позорных подписантов: «Крови, крови, товарищ Ельцин!».

На «религиозной» зоне я познакомился с истинно православными, которые не брали молоткастый, серпастый советский паспорт, не ходили на выборы, не работали «на коммунистов», т. е. нигде официально не работали и, следовательно, были по советским понятиям «тунеядцами». Жить на воле им было тяжело не то слово. В каком-то смысле они буквально следовали первым христианским мученикам: не кланялись идолу и готовы были терпеть за это любые муки. Они, собственно, и жили практически всю жизнь в лагере. Побудут на свободе несколько месяцев, от силы год-два и – снова в зону. Они полагали, что советский паспорт с масонской пентаграммой – от сатаны, и брать его в руки не считали возможным. Это были катакомбники, легальную Церковь не признавали, говорили, что у всех «красных попов» «красные книжечки». Не знаю, как они причащались на воле и от кого и как у них было с преемственностью епископов. Но были они кремнями. До сих пор в памяти стоят особенно двое (в т. ч. Павел Скворцов из Донбасса) из зоны 7–1, два великих подвижника. Сидели, впрочем,

и члены легальной Православной Церкви. Один даже книгу написал – «Крест и звезда», за нее и получил срок.

У иеговистов была хорошо налажена организация. Когда проводили свои собрания, прямо в секции, в бараке, то часовые цепочкой стояли-похаживали от штаба, где дежурят надзиратели, до жилой секции. Едва контролеры начинали обход, часовые сразу делают нужные знаки и собрание мгновенно рассеивается. Входят надзиратели в барак – тишина, покой, кто сидит возле тумбочки, доедает селедку, кто уже за порогом. Не застукаешь. Получали они журнал «Башня стражи» из США и хвалились, как быстро доходят до них в лагерь свежие номера. Подкупали кого из охраны или им как-то подкидывали, не знаю. Пришлось немного пообщаться с двумя баптистами-инициативниками. Эти инициативники откололись от «хороших», легальных баптистов и призывали, в частности, не служить в армии, не брать в руки оружие. Один из них, по фамилии Мельников, уже служил в Военно-морском флоте, но автомат в руки не брал, когда его вешали ему на шею, сбрасывал каким-то ловким движением тела, не касаясь руками, и поглядывая, чтобы автомат случайно не оказался за бортом (иначе предъявят еще одну статью Уголовного кодекса). По рассказам знаю, что позже он отбывал ссылку в Красноярском крае, вернулся в родной Мариуполь и потом умер сравнительно молодым, вероятно, тело не выдержало невзгод. Всех этих баптистов и пятидесятников можно, пожалуй, и пожалеть, но близости духовной по отношению к ним нет никакой. Хотя в обычном понимании это хорошие люди, честные, порядочные, непьющие, некурящие, нематерящиеся. Но – ЧУЖИЕ. Все сектанты (и плюс католики) не имеют ни малейшего чувства к России и русскому народу. Все, кроме православных, имеют центробежное, космополитическое направление. И только одни православные несут в себе патриотическое, центростремительное начало. Говорю это по реальному опыту. Правда, со времен перестройки я обнаружил и в среде православных интернациональную склонность. Но последняя, в основном, свойственна только евреям, обратившимся в Православие. Не думаю, чтобы все этнические евреи и полукровки были агентурой мировой закулисы, но действует, видимо, сильный голос крови. Я всегда удивлялся полукровкам: ну почему же русская половина не влечет вас к Российской империи, почему доминирует и тянет в либеральный омут иудейская половина? Правда, встречаются и те, у кого славянское начало оказалось сильнее, но это – единицы из единиц. В массе своей полукровки всегда экуменисты, либералы, противники монархии и консерватизма. Впрочем, попадаются и среди чистокровных евреев замечательные черносотенцы. Российская действительность начала XX века – тому пример. Разумеется, я придерживаюсь евангельского взгляда: «Во Христе нет ни эллина, ни иудея». Но, во-первых, тех иудеев, которые полностью порвали со своим иудаизмом, в жизни почти не видно. А, во-вторых, для ориентировки в реальной жизни помогает правило «Кровь определяет мировоззрение». У любого правила всегда есть исключения, но и исключение, как говорится, только подтверждает правило.

В начале 1967 г. я вернулся в Явас, на 11-ю зону, и здесь провел остаток своего 7-летнего срока – до дня освобождения. Подвозил уголь, загружал и толкал с напарником, чаще с баптистом Синяговским, вагонетку, обеспечивал работу заводской кочегарки. Работа не легкая, но не было нормы, и это меня устраивало. Летом угля требовалось меньше и можно было немного передохнуть. В зоне сложилась наша национально-православная группа: Осипов, Владислав Ильяков, посаженный за интерес к югославскому социализму, Иван Погорелов из Белгородской области, Валерий Зайцев, безуспешно пытавшийся сбежать с советского корабля на американский остров Кодьяк в Беринговом море, к нам примыкал еще Александр Удодов, большой знаток военной истории и мировой истории вообще. Мы не пропускали ни одной книги, ни одной статьи, ни одного текста, касавшегося русской идеи и православной монархии. Отмечали, как могли, Пасху и Рождество. Постоянно обсуждали пути спасения России.

Весной 1968 г. в зону прибыли Евгений Вагин и Борис Аверичкин из организации ВСХСОН. Тогда мы впервые узнали об этой самой большой в послесталинский период неле-

гальной организации. Нас, естественно, привлекло то, что эти люди опирались на христианство и консервативные начала, что они критиковали не только коммунизм, но и капитализм западного образца и пытались отыскать третий путь для своей Родины. А спустя несколько месяцев, 31 июля 1968 г., на 11-ю зону прибыли уже и остальные осужденные члены Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народов. Кроме вождя Игоря Вячеславовича Огурцова и его первого заместителя Михаила Юхановича Садо, которых приговорили еще и к тюремному сроку. В тот день на 11-й поступили ныне известный писатель Леонид Бородин, его друг Владимир Ивойлов, эфиоповед Вячеслав Платонов, Георгий Бочеваров, сын репрессированного при Сталине болгарского коммуниста, Устинович, Миклашевич, Веретенев и другие, всего, помнится, человек двенадцать. Пообщаться с ними мне удалось два месяца: 5 октября 1968 г. я вышел, наконец, на свободу. Чувствовал, что могу вернуться обратно, не буду же я сидеть за печкой. Тем более что я освобождался с твердым намерением начать издание пусть не политического, но славянофильского неподцензурного журнала. Я еще был молод. Мне было 30 лет.

Мордовский дневник

Хочу дополнить свое повествование уцелевшим отрывком моего дневника за 1964 год, который я вел, разумеется, конспиративно, используя переписку с домашними. Прошу учесть, что мне было тогда двадцать пять...

1 января 1964 г. Новогоднюю ночь не спал, сидел у печи и слушал радио. В камере (это на спецу, на особом, в ИТУ ЖХ 385/10, пос. Ударный) два литовца-партизана, западник со Львовщины, тихий сектант, два уголовника и Солнышкин, в прошлом – бытовик, теперь – «антисоветчик».

15 января. Нет работы. Сидим в камере. Штудирую «Историю XIX века». Кузнецов попал в изолятор (мы с ним, естественно, в разных камерах). Занимается там по системе йогов.

20 января. Читаю Достоевского.

29 января. Пришла телеграмма от мамы из Москвы: «Особый режим заменен строгим». Ура! Мы возвращаемся в более мягкий – всего лишь СТРОГИЙ – концлагерь.

6 февраля. В обмен на полосатую одежду вновь получили черную. Правда, шакалы-уголовники успели выменять у нас целые штаны и куртки (перед сдачей) на свое рваньё. Бокштейну, например, всучили штаны без одной брючины и с огромной дырой на оставшейся.

7 февраля. Вернулся вторично на 11-ю зону (пос. Явас) вместе с Бокштейном, т. е. туда, откуда нас выдернули 8 июля прошлого года. Кузнецов поехал к себе на семерку (пос. Сосновка). Во время короткого этапа с какой-то странной жалостью смотрел на вольных, показавшихся мне пришибленными нуждой и страхом. Или это у меня от Достоевского? Игорь Авдеев, Владик Ильяков, Юра Акинин, Володя Стариков, Владимир Федорович Горлопанов устроили мне шикарную встречу.

8 февраля. У меня такое ощущение, словно я вышел на волю. Столь резок контраст между спецом и лагерем строгого режима. Хожу беспрепятственно налево, направо, никто не орет, что я пошел не туда, сплю на койке и никто не ворочается ни с той стороны, ни с другой, хожу в уборную, когда мне вздумается – ну чем я не свободный советский человек? Во рту больше нет черного сгустка цементной пыли (от цементного пола). Вдоволь хлеба. Пусть он испечен как попало. Все же это лучше, чем ничего. Дышу чистым воздухом, а не смрадом кала от уборных прогулочного двора. Отдыхают нервы от постоянного балансирования на грани схватки с татуированным скотом. (Примечание 2006 г.: конечно, это звучит не по-христиански, но прошу учесть, что на спецу содержались отбросы даже уголовного мира, т. е. ко всем уголовникам эти слова не относились.) Меня направили в аварийную бригаду. Бригада эта работает по вызову в любое время суток. Разгрузка и погрузка вагонов. Наша производственная зона – мебельная фабрика.

15 февраля. Мужики то и дело поглядывают: не стараюсь ли я филонить, ведь молодой. Но нет. У меня после каждого выхода к вагонам все белье мокрое от пота.

19 февраля. Продвигаюсь в националистическом направлении. Изучаем «Дневник писателя» Ф.М.Достоевского. Спорим и думаем. Удивительное дело: пока я был на спецу, Владислав Ильяков независимо от меня тоже стал патриотом-державником. А ведь сидит за югославский ревизионизм. Разбрасывал листовки в курском кинотеатре «Комсомолец». Когда он надел крест, лагерный гегельянец Рафалович выпалил: «Мы с Вами больше не здороваемся!»

26 февраля. В субботу в 6 утра нас, 17-ю (аварийную) бригаду, разбудили грузить дрова. Едва мы загрузили пол-вагона, как нам сообщили, что пришел вагон со стружечными плитами. Разгрузив плиты (часть бригады одновременно догружала дрова), отправились домой. Т. е. в барак, ведь наш дом – тюрьма. Однако нас вернули с полпути, т. к. подошла еще платформа под горбыль. Только в 2 часа дня, наконец, вернулись в зону. Затем ровно сутки грузов не

было. В воскресенье – вагон торфа. В понедельник с 6 утра до 2-х дня – шесть вагонов угля. Каждому досталось по три люка. Сегодня среда. Пока не трогали.

6 марта. Свидание с мамой и братом. Свидание всегда расслабляет.

9 марта. Прибыл полувагон угля. Уголь оказался насквозь мерзлый, и, когда мы открыли люки, он совершенно не сыпался. Пришлось лезть наверх и долбить ломом. Дул резкий ветер, залепляя лицо угольной пылью. Вернулся в барак черный, как занзибарец.

16 марта. Разгружаю уголь, смолу, лес. Новая встреча с Лермонтовым. Семь-восемь лет назад он был чрезвычайно близок мне своим неверием в жизнь. В концлагере от моей былой тоски и разочарования не осталось и следа. Другие строки пленяют душу.

Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу...

27 марта. Заработал за февраль 16 рублей с копейками. Это – после вычетов (за питание, за обмундирование, а самое главное – сразу высчитывают 50 % зарплаты в фонд МВД, на содержание охраны). Это мой самый большой заработок за 2 года лагеря.

3 апреля. Ночью разгружали стекло. Скверная это штука. Ящики тяжелые, да еще боишься разбить. Вернулся в барак в 6 утра и вдруг услышал по радио о переходе частей в Рио-Гран-деду-Сул на сторону правых и бегстве Гуларта. Я так и застыл над тумбочкой с пайкой хлеба в одной руке, с ложкой и растительным маслом – в другой. Гуларт пал! Потом, с 9 утра до 2-х дня слушал постановление и доклад Сулова об отношениях с Китаем. В 2 часа все же не выдержал – уснул, как убитый.

4 апреля. У всех политзеков на лицах радость. Рады за Бразилию. (Примечание 2006 г.: теперь, пожалуй, я бы не радовался так по поводу свержения бразильского президента, пытавшегося противостоять диктату США. Но тогда мы все события оценивали исключительно с позиций непримиримого антикоммунизма.)

5 апреля. С 12 ночи до 6 утра разгружали щебень. Проклятье, а не щебень. К тому же мне (да еще одному эстонцу) досталось два люка – на одну сторону (а у всех остальных – люки были раскрыты в обе стороны вагона), потому что наша часть вагона зашла за эстакаду и разгружать там было некуда. Моя лопата треснула и прыгала как лягушка. Швыряешь, швыряешь этот камень, и кажется, конца ему нет. Неужели все это всерьез? «Люди глубоко ошибаются, принимая всерьез всю эту комедию», – говорит нечистый Карамазову. И вот этой постылой ночью, под морозящим дождем, проклиная гору битого камня, я подумал: а что, если царствует во вселенной абсурд? Абсурд, о котором вещал Камю, сам идиотски погибший при автомобильной катастрофе под новый 1960 год. Самое дикое, самое страшное, если действительно ничего нет, кроме абсурда. (Примечание 2006 г.: может быть, эти строки следовало бы подвергнуть самоцензуре, но оставляю их, как метку о сомнениях 25-летнего прозелита.)

7 апреля. Вчера сидел в читалке, усваивал двойственность в итальянской политике Наполеона. В 9 вечера, за час до отбоя, читалка закрывается, мы (т. е. я и мои друзья) пошли было есть селедку, купленную сегодня в ларьке, но обложились свежими газетами на койке и не заметили, как пролетел час. А в 10 – ударили в рельсу. Так Бразилия помешала нам полакомиться селедкой.

10 апреля. Вчера меня перевели из аварийной бригады в обычную. Сегодня вышел на работу в раскройный цех. Дело в том, что из 17-й бригады списали всех, у кого 70-я статья Уголовного кодекса, т. е. всю молодежь, и перевели «антисоветчиков» в бригады, секции которой расположены в одном, теперь «молодежном» бараке. В аварийной же бригаде остались мужики с 64-й статьей («Измена Родине»): партизаны-националисты и легионеры Адольфа Гитлера.

15 апреля. Попробовал работать на станке. Пила, приводимая в движение мотором. Распиливаю толстые доски на тонкие досочки для тарных ящичков.

21 апреля. На 11-й прибыла ленинградская группа: Устин Гаврилович Зайцев (50 лет) и два наших ровесника, в т. ч. слесарь Николай Иванович Баранов. Зайцев поинтересовался у зеков, кто здесь «киты». Ему указали, в частности, на Авдеева и меня. Зайцев отыскал нас и сказал, что готов изложить свою политическую программу. Мы отправились на баскетбольную площадку. С нами увязался Илья Бокштейн. Когда Устин Гаврилович дошел до «еврейского вопроса», он спросил Бокштейна: «Вы, кажется, приняли православие?» Илья ответил: «Да, да, конечно, я сам готов выселить евреев в Израиль!» Чекисты умышленно пристегнули Илью к нашему делу («Антисоветские сборища на площади Маяковского»), чтобы не судить еврея-инвалида, с искривленным позвоночником, в одиночку. Фактически он витийствовал на площади сам по себе, в отличие от нас, тогда – анархо-синдикалистов, был 100 %-ным сторонником капитализма. На 7-й зоне принял православие. Так что Зайцев, поверив в илюзино христианство, стал свободно излагать свою программу решения еврейского вопроса: сионистов – выселить, евреям-космополитам разрешить проживание в трех портовых городах – Санкт-Петербурге, Одессе и Владивостоке, остальным предложить ассимилироваться с русской нацией. Бокштейн поддакивал, мы с Игорем молчали.

Потом, после отбоя, Илья разыскал Анатолия Рубина (довольно темпераментный сионист из Минска, преподаватель физкультуры) и рассказал ему об «антисемитизме» Зайцева. На следующий день Рубин и Зайцев оказались в одной бригаде, на автономном (т. е. вне зоны) строительном объекте. (Возможно, их умышленно послал в одну бригаду заместитель начальника лагеря по оперработе Иоффе.) Рубин спросил Зайцева, правда ли, что тот против Израиля. «Да, конечно. Израиль – фашистское государство. Там преследуют палестинцев». В ответ Рубин избил старика. Устин Гаврилович вернулся в зону с жутким синяком под глазом. Мы собрались было вступиться за него, но тот – на свое несчастье – сразу отправился жаловаться к лагерному начальству, к оперуполномоченному. По жесткой лагерной морали нельзя заступаться за того, кто ищет защиту у «опера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.